

Житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого)

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий родился 27 апреля 1877 года в Керчи в семье провизора. Род Войно-Ясенецких, довольно древний, известен VI столетия [32,939]*, и его представители служили при дворе польских и литовских королей. Но постепенно род обеднел, и уже дед Валентина Феликсовича жил в Могилевской губернии в курной избе, ходил в лаптях, правда, имел мельницу. Сын его, Феликс Станиславович, решив выбраться из деревенской глуши, получил образование и стал провизором. Но аптека, владелец которой Феликс Станиславович был в течение двух лет, больших доходов не приносила. Он перешел на государственную службу и до самой смерти оставался служащим.

В конце восьмидесятых годов Войно-Ясенецкие переехали в Киев и обосновались в центре города, на Крещатике. Семья состояла из семи человек: отец, мать, две дочери и трое сыновей. Религиозная атмосфера в семье была своеобразной. Феликс Станиславович, ревностный католик, был человеком тихим и своих взглядов детям не навязывал. Семейные отношения в доме определяла мать, Мария Дмитриевна (до замужества Кудрина). Она воспитывалась в православных традициях, и вера ее выражалась в добрых делах, которые она творила во славу Божию. Мария Дмитриевна регулярно передавала домашнюю сдобу для арестованных в тюрьму, устраивала возможность заработать арестантам, посылая им, к примеру, для перетяжки матрацы. Когда началась первая мировая война, в доме постоянно кипятилось молоко, которое отправлялось раненым воинам. Но живое религиозное чувство Марии Дмитриевны было жестоко травмировано одним неприятным случаем. Справляя поминки по умершей дочери, она принесла в храм блюдо с кутьей и после панихиды случайно оказалась свидетельницей дележа ее приношения. После этого она более никогда не переступала порога церкви.

"Религиозного воспитания я не получил, и если можно говорить о наследственной религиозности, то, вероятно, я унаследовал ее главным образом от очень благочестивого отца", - писал в мемуарах, уже на склоне лет, архиепископ Лука. На формирование его веры повлияла, несомненно, близость такого уникального центра Православия, как Киево-Печерская Лавра. Церковная жизнь, бывшая здесь ключом, обилие богомольцев, вереницей шедших на поклонение киевским святыням, - все это давало богатую пищу для размышлений юноши. О том, что его духовный мир строился, как на прочном камне, на святом Православии, говорит такой факт.

Некоторое время Войно-Ясенецкий увлекался идеями толстовства. Он даже написал 30 октября 1897 года письмо Л.Н. Толстому с просьбой повлиять на свою суровую мать, которая противилась его стремлению стать толстовцем. Валентин просил разрешения у графа приехать в Ясную Поляну и жить под его присмотром [27,47]. Но на счастье, в руки юноши попала книжка Л. Толстого "В чем моя вера?". Он внимательно изучил ее и понял, что толстовство есть не что иное, как издевательство над Православием, а Толстой - еретик, безмерно далекий от истины.

Истинное понятие о христианской вере Валентин Войно-Ясенецкий получил, усердно прочитав Новый Завет, подаренный ему директором гимназии при получении аттестата зрелости. Многие места этой святой книги произвели неизгладимое впечатление на юношу [2,13].

С детских лет у Валентина обнаружились способности к рисованию. Параллельно с гимназией он заканчивает Киевское художественное училище. О сложных раздумьях, метаниях в выборе жизненного пути писал сам святитель Лука: "Влечение к живописи было у меня настолько сильным, что по окончании гимназии я решил поступить в Петербургскую Академию художеств. Но во время вступительного экзамена тяжело задумался о том, правильный ли жизненный путь избираю. Недолгие колебания кончились тем, что я признал себя не вправе заниматься тем, чем мне нравится, и обязан заняться тем, что полезно для страдающих людей. Из Академии я послал матери телеграмму о желании поступить на медицинский факультет, но все вакансии были уже заняты, и мне предложили поступить на естественный факультет с тем, чтобы позже перейти на медицинский. От этого я отказался, так как у меня была большая нелюбовь к естественным наукам и ярко выраженный интерес к наукам гуманитарным, в особенности к богословию, философии, истории. Поэтому я предпочел поступить на юридический факультет и в течение года с интересом изучал историю и философию права, политическую экономическую и римское право" [2,10].

Любовь к живописи привела его в частную школу профессора Книрра в Мюнхене. Проучившись там короткое время, он вернулся в Киев. "Можно было поступить на медицинский факультет,- пишет Владыка в мемуарах,- но опять меня взяло раздумье народнического порядка, и по юношеской горячности я решил, что нужно как можно скорее приняться за практически полезную для простого народа работу. Бродили мысли о том, чтобы стать фельдшером или сельским учителем, и в этом настроении я отправился к директору народных училищ Киевского учебного округа с просьбой устроить меня в одну из школ. Директор оказался умным и проницательным человеком; он высоко оценил мои народнические стремления, но очень энергично отговаривал от того, что я затевал, и убедил поступить на медицинский факультет. Это соответствовало моему стремлению быть полезным для крестьян, так плохо обеспеченных медицинской помощью, но поперек дороги стояло мое почти отвращение к естественным наукам. Я все-таки преодолел это отвращение и поступил на медицинский факультет Киевского университета" [2,13-14].

УНИВЕРСИТЕТ. НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Итак, в 1898 году Валентин Войно-Ясенецкий стал студентом Киевского университета имени святого князя Владимира. Скоро его избрали старостой курса, что было выражением особого доверия со стороны однокашников. В группе произошел инцидент - в пылу ссоры один студент ударил другого по щеке. Войно-Ясенецкий вступился за оскорбленного сокурсника. Всегда чуткий к чужому страданию и боли, он вставал на сторону слабого, протестуя против насилия и несправедливости. Учился юноша в университете хорошо и неожиданно для самого себя увлекся анатомией. То, что многих от медицины отпугивало, привлекло его более всего. "Умение весьма тонко рисовать и моя любовь к форме перешли в любовь к анатомии... Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии" [2,14]. Оканчивая университет осенью 1903 года, он заявил о том, что хочет быть всю жизнь участковым земским врачом. "Я изучал медицину с исключительной целью: быть всю жизнь деревенским, мужицким врачом, помогать бедным людям", - писал он потом в своих мемуарах. Но грянула русско-японская война. В составе медицинского отряда Красного Креста Войно-Ясенецкий выехал 30 марта 1904 года на Дальний Восток. Отряд расположился в Чите. Здесь-то и началась практика хирурга-врача. Главный врач поручил молодому выпускнику заведовать хирургическим отделением и не ошибся: операции, проводимые Валентином Феликсовичем, были сложными и проходили безупречно, неудач не было. Он сразу же стал оперировать на костях, суставах и черепе. Сказывался его пристальный интерес к топографической анатомии. Здесь же, в Чите, произошло еще одно важное событие в жизни Войно-Ясенецкого: его женитьба на Анне Васильевне Ланской, дочери

управляющего помещьем на Украине. Анна приехала в Читу с тем же отрядом Красного Креста, будучи сестрой милосердия. В госпитале ее называли "святой сестрой". Два врача просили ее руки, но она отказала, потому что дала обет безбрачия. Решив выйти замуж за Войно-Ясенецкого, она нарушила этот обет. "В ночь перед венчанием в церкви, построенной декабристами, она молилась перед иконой Спасителя. Вдруг ей показалось, что Христос отвернул Свой лик и образ Его исчез из киота. Это было, по-видимому, напоминанием о ее обете, и за нарушение его Господь тяжело наказал ее невыносимой, патологической ревностью" [2,16-17].

Вскоре после свадьбы молодые переехали в небольшой уездный городок Ардатов Симбирской губернии, где Валентину Феликсовичу поручили заведовать больницей. Работы было много, и молодой хирург почувствовал, что выбивается из сил; семья переехала в село Верхний Любаз Фатежского уезда Курской губернии. Но слава о замечательном хирурге уже распространилась так далеко, что у порога небольшой сельской больницы выстраивались посетители не только из близлежащих мест, но даже из соседней губернии. Особенно запомнился ему трогательный случай с одним молодым нищим, слепым, которому доктор вернул зрение в результате замечательно проведенной операции. Прозревший собрал слепцов со всей округи, и они длинной вереницей выстроились перед больницей в ожидании врачебной помощи.

Городская управа перевела Войно-Ясенецкого в уездный городок Фатеж, но и оттуда вскоре пришлось уехать, так как Валентин Феликсович однажды отказался прекратить прием больных, находящихся у дверей его кабинета, чтобы срочно явиться на вызов исправника. Конечно же, председатель упр- вы добился увольнения независимого доктора. Но тем не менее на протяжении всей жизни для него все пациенты были равны, и самое высокое положение в обществе не давало каких-либо преимуществ в лечении. Он одинаково доброжелательно и внимательно осматривал и лечил и простого мужика из глухой сибирской деревни, и видного чиновника. Неизменно строго относился доктор лишь к воинствующим безбожникам, болезни которых он считал карой Божьей за их грехи противления.

Из Фатежа Войно-Ясенецкий направился в Москву для работы над диссертацией. В земских больницах хирургу приходилось сталкиваться с проблемами обезболивания при операциях. Бывали случаи тяжелых осложнений после применения общего наркоза, и молодой врач стал искать новые пути в анестезии. Книга немецкого хирурга Генриха Брауна "Местная анестезия, ее научное обоснование и практические применения" стала для него источником вдохновения и толчком к собственным разработкам. "Я с жадностью прочел ее, и из нее впервые узнал о регионарной анестезии, многие методы которой весьма недавно были опубликованы... У меня возник живой интерес к регионарной анестезии, я поставил себе задачей заняться разработкой новых методов ее" [2,18].

Итак, явившись в Москве к Петру Ивановичу Дьяконову, крупному ученому, основателю журнала "Хирургия", Войно-Ясенецкий выразил желание работать в его клинике для сбора материала по теме "Регионарная анестезия. Получив разрешение, Валентин Феликсович напряженно и плодотворно трудился - несколько месяцев он препарировал трупы в Институте топографической анатомии, оттачивая методы и технику регионарной анестезии., изучения вариантов обезболивания тройничного нерва пришлось исследовать триста черепов. Вот что он пишет в письме домой: "Из Москвы не хочу уезжать, прежде чем не возьму от нее того, что нужно мне: знаний и умения научно работать. Я по обыкновению не знаю меры в работе и уже сил переутомился. А работа предстоит большая: для диссертации надо изуч французский язык и прочитать около пятисот работ

на французском и немецком языках. Кроме того, много работать придется над докторскими экзаменами" [26,62].

В 1915 году в Петрограде вышла книга Войно-Ясенецкого "Региональная анестезия", блестяще иллюстрированная самим автором, в которой он обобщил и результаты исследований, и свой богатейший хирургический опыт, не ошибусь, если назову регионарную анестезию совершенным методом местной анестезии. На смену прежним неуклюжим и примитивным способам слойного пропитывания анестезирующим раствором всего, что надо резать, пришла новая, изящная и привлекательная методика местной анестезии; основу которой легла глубоко рациональная идея прервать проводимость нервов, по которым передается болевая чувствительность из области, подлежащей операции" [26,36]. За эту работу Варшавский университет присудил Валентину Феликсовичу Войно-Ясенецкому премию имени Хойнацкого. Эту награду получали авторы лучших сочинений, прокладывающих новые пути в медицине. К сожалению, денег (900 рублей золотом) автор не получил, потому что не смог представить в Варшаву определенное количество экземпляров книги: маленький тираж был раскуплен мгновенно.

В 1916 году В.Ф. Войно-Ясенецкий защитил свою монографию "Региональная анестезия" как диссертацию и получил степень доктора медицины. Профессор Мартынов так охарактеризовал эту работу: "Мы привыкли к тому, что докторские диссертации пишутся обычно на заданную тему, с целью получения высших назначений по службе, и научная ценность их невелика. Но когда я читал Вашу книгу, то получил впечатление пения птицы, которая не может не петь, и высоко оценил ее" [2,21-22].

Научная работа в Москве настолько сильно захватила Валентина Феликсовича, что он не заметил, как постепенно оказался в тисках безденежья. Чтобы содержать семью, он вернулся к практической хирургии и трудился сначала в селе Романовка Саратовской губернии, а потом в Переславле-Залесском. Здесь он одним из первых в России делал сложнейшие операции не только на желчных путях, почках, желудке, кишечнике, но даже на сердце и мозге. Прекрасно владея техникой глазных операций, он многим слепым возвращал зрение. И хотя у земского врача воскресные и праздничные дни особенно загружены, он все чаще стал посещать местную церковь, где у него было даже свое место. Здесь же, в Переславле, В.Ф. Войно-Ясенецкий задумал изложить свой опыт работы в книге, которую он решил озаглавить "Очерки гнойной хирургии". Был составлен план, написано предисловие, и вдруг ему явилась "крайне странная, неотвязная мысль: когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа" [2,24].

1917 ГОД. ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

1917 год был переломным не только для страны, но и лично для Валентина Феликсовича. "В начале 1917 года, - вспоминал святитель в мемуарах, - к нам приехала старшая сестра моей жены, только что похоронившая в Крым; свою молоденькую дочь, умершую от скоротечной чахотки. На великую беду она привезла с собой ватное одеяло, под которым лежала ее больная дочь. Я говорил своей жене Ане, что в одеяле привезена к нам смерть. Так и случилось: сестра Ани прожила у нас всего недели две, и вскоре после ее отъезда я обнаружил у Ани явные признаки туберкулеза легких" [2,24]. В марте 1917 года семья переехала в Ташкент, где Валентину Феликсовичу предложили должность главного врача городской больницы. Обосновавшись с семьей в просторном доме, специально построенном для главврача, он целиком погрузился в работу. В больнице им было организовано хирургическое отделение. Недостатка в больных не было. Шла гражданская война. В больницу доставляли тяжело больных, раненых, и главврача неоднократно

ночью поднимали с постели на операцию. И никогда, по свидетельствам коллег, он не возмущался, никогда не отказывал в помощи. Но дома у доктора поселилась беда. Медленно угасала жена. Тяжелый недуг отбирал последние силы. Окончательно сокрушила ее весть об аресте мужа. По клеветническому доносу некоей Анны, работницы морга, В.Ф. Войно-Ясенецкого арестовали. Подоплека этого дела была такова: Валентин Феликсович неоднократно предупреждал своего нерадивого подчиненного, что выгонит его с работы за воровство, пьянство и безделье. Но тут в городе начались аресты противников нового режима, и Андрей решил свести счеты со своим начальником, пустив в ход, явную клевету.

Войно-Ясенецкого и его коллегу, молодого хирурга, привели в железнодорожные мастерские, где скорый суд вершила "чрезвычайная тройка". На разбор каждого дела "судьи" тратили не больше трех минут, приговор обычно был один - расстрел. Осужденных выводили через другую дверь и сразу же расстреливали. Два врача просидели перед дверью этого судилища более полусуток. Можно представить себе ужас молодого хирурга Ротенберга, постоянно спрашивавшего учителя: "Почему нас не вызывают? Что это может означать?" На что Валентин Феликсович невозмутимо отвечал: "Вызовут, когда придет время, сидите спокойно". Поздно вечером в этом "зале смерти" появился видный партизанин, который знал главного врача в лицо. Он удивился, увидев здесь знаменитого хирурга, расспросил, что произошло, и вскоре вручил двум врачам пропуска на выход, дав в сопровождение охрану. Вернувшись в отделение, доктор распорядился подготовить больных к операциям, которые были запланированы и чуть было не сорвались из-за неожиданного ареста. Хирург стал к операционному столу и начал операцию, как будто ничего не произошло.

Милостью Божией доктор избежал неминуемой смерти, но этот случай подкосил Анну Васильевну, и до самой смерти она уже не вставала с постели. "Она горела в лихорадке, совсем потеряла сон и очень мучилась, - пишет об этих днях святитель Лука. - Последние тринадцать ночей я сидел у ее смертного одра, а днем работал в больнице... Настала последняя страшная ночь. Чтобы облегчить страдания умирающей, я впрыснул ей шприц морфия, и она заметно успокоилась. Минут через двадцать слышу: "Впрысни еще". Через полчаса это повторилось опять, и в течение двух-трех часов я впрыснул ей много шприцев морфия, далеко превысив допустимую дозу. Но отравляющего действия не видел. Вдруг Аня быстро приподнялась и села и довольно громко сказала: "Позови детей". Пришли дети, и всех она перекрестила, но не целовала, вероятно, боялась заразить. Простившись с детьми, она опять легла, спокойно лежала с закрытыми глазами, и дыхание ее становилось все реже и реже... Настал и последний вздох... Аня умерла тридцати восьми лет. Две ночи я сам читал над гробом Псалтырь, стоя у ног покойной в полном одиночестве. Часа в три второй ночи я читал 112-й псалом, начало которого поется при встрече архиерея в храме... И последние слова псалма поразили и потрясли меня, ибо я с совершенной ясностью и несомненностью воспринял их как слова Самого Бога, обращенные ко мне: И неплодную вселяет в дом мать, радуящуюся о детях. Господу Богу было ведомо, какой тяжелый и тернистый путь ждет меня, и тотчас после смерти матери моих детей Он Сам позаботился о них и мое тяжелое положение облегчил. Почему-то без малейшего сомнения я принял потрясшие меня слова как указание Божие на мою операционную сестру Софию Сергеевну Белецкую, о которой я знал только то, что она недавно похоронила мужа и была неплодной, то есть бездетной, и все мое знакомство с ней ограничивалось только деловыми разговорами, относящимися к операции. И однако слова: неплодную вселяет в дом мать, радуящуюся о детях я без сомнения принял как Божий приказ возложить на нее заботы о моих детях и воспитание их. Я едва дождался семи часов утра и пошел к Софии Сергеевне, жившей в хирургическом отделении. Я постучался в дверь. Открыв, она с изумлением отступила назад, увидев в столь ранний час своего сурового начальника.

- Простите, София Сергеевна, - сказал я ей, - я очень мало знаю вас, не знаю даже, веруете ли вы в Бога, но пришел к вам с Божьим повелением ввести вас в свой дом матерью, радующеюся о детях. - Она с глубоким волнением выслушала, что случилось со мной ночью, и сказала, что ей очень больно было только издали смотреть, как мучилась моя жена, и страшно хотелось помочь нам, но она не решалась предложить свою помощь. Она с радостью согласилась исполнить Божье повеление о ней" [2,26-28]. Так волей Божией София Сергеевна стала матерью четверем детям Валентина Феликсовича, избравшего после кончины жены путь служения Церкви.

"ДОКТОР, ВАМ НАДО БЫТЬ СВЯЩЕННИКОМ!"

Некоторые современники, знавшие Валентина Феликсовича, говорили, что тяжелая утрата горячо любимой жены надломил твердый характер профессора и он "уцарился" в мистику, в религию. Но вот вышеописанный случай, когда Валентин Феликсович ясно увидел Десницу Божью, направляющую и укрепляющую его в таком горе, - это результат крепкой, несомненной веры, сравнимой с Авраамовой верой, когда человек делает шаг в неизвестность, твердо уповая на Божественное обетование: Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя (Ис. 49,15).

Ташкентские прихожане свидетельствовали о том, что профессор Войно-Ясенецкий регулярно посещал воскресные и праздничные богослужения, был активным мирянином. Очень часто он бывал на богословских собраниях верующих, организованных настоятелем вокзальной церкви протоиереем Михаилом Андреевым, сам выступал с беседами на темы Священного Писания. Однажды в конце 1920 года Валентин Феликсович присутствовал на епархиальном собрании, на котором он произнес речь о положении дел в Ташкентской епархии. Это выступление произвело большое впечатление на слушателей. После собрания правящий архиерей - епископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий (Пустынский) - отвел профессора в сторону и, восторгаясь глубиной и искренностью его веры, сказал: "Доктор, вам надо быть священником!" Святитель Лука так вспоминает в своих мемуарах: "У меня никогда и мысли не было о священстве, но слова Преосвященного Иннокентия я принял как Божий призыв архиерейскими устами и, минуты не размышляя, сказал: "Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!" [2,30]. И вот, глубоко веруя, что Промысл Божий сказывается в обстоятельствах, профессор, доктор медицины Войно-Ясенецкий со смирением преклоняет свою выю под иго священства. Вопрос о рукоположении был решен так быстро, что ему даже не успели сшить подрясник. "Уже в ближайшее воскресенье, при чтении часов, я, провожаемый двумя диаконами, вышел в чужом подряснике к стоящему на кафедре архиерею и был посвящен им в чтеца, певца и иподиакона, а во время Литургии и в сан диакона. Конечно, это необыкновенное событие посвящения во диакона уже получившего высокую оценку профессора произвело огромную сенсацию в Ташкенте, и ко мне пришли большой группой во главе с одним профессором студенты медицинского факультета. Конечно, они не могли понять и оценить моего поступка, ибо сами были далеки от религии. Что поняли бы они, если бы я сказал им, что при виде карнавалов, издевающихся над Господом нашим Иисусом Христом, мое сердце громко кричало: "Не могу молчать!" Я чувствовал, что мой долг защищать проповедь оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому. Через неделю после посвящения во диакона, в праздник Сретения Господня 1921 года, я был рукоположен во иерея епископом Иннокентием... Мне пришлось совмещать мое священство с чтением лекций на медицинском факультете...

Преосвященный Иннокентий, редко сам проповедовавший, назначил меня четвертым священником собора и поручил мне все дело проповеди. При этом он сказал мне словами апостола Павла: Ваше дело не крестити, а благовестити" [2, 30-31].

Надо представить себе, каково было отношение к религии в то страшное и тревожное время. Мутная волна воинствующего безбожия затопила страну Множество архиереев, священников и мирян кровью своей засвидетельствовали веру во Христа. Адская машина репрессий перемалывала судьбы большей и лучшей части православного народа. Народа, когда-то называвшего себя Святой Русью. Уже пострадали святители Владимир и Вениамин, уже многие священники и миряне отправились в ссылки и лагеря, но вожди большевизма продолжали гнать Церковь Божию, продолжали распинать Христа. И вот в это страшное время, когда некоторые священнослужители снимали с себя сан, испугавшись репрессий, профессор Войно-Ясенецкий, повинувшись призыву Божию, принимает рукоположение. Два года Войно-Ясенецкий был священником и преуспел не только в пастырской, но и общественно-научной деятельности, став одним из инициаторов открытия в Ташкенте университета.

На первом научном съезде врачей Туркестана (23-28 октября 1922 год он выступил с четырьмя большими докладами, где делился с коллегами своим богатейшим хирургическим опытом. Будучи священником, он осто вался профессором медицины и читал лекции по топографической анатомии и оперативной хирургии в рясе и с крестом на груди. Оставаясь главным хирургом Ташкентской городской больницы, служил по воскресеньям в соборе, а после вечерни вел долгие беседы на богословские темы. Как пастырь отец Валентин не мог спокойно взирать на активную отступническую деятельность бывшего миссионера Курской епархии, расстриженно) протоиерея Ломакина. Этот несчастный человек, предавший Христа, своей сожженной совести продолжал противиться Богу, возглавляя антирелигиозную пропаганду во всей Средней Азии. Отец Валентин в течении двух лет вел публичные диспуты при огромном стечении народа. Как правило, эти диспуты кончались посрамлением отступника, и верующие не давали ему прохода, спрашивая: "Скажи нам, когда ты врал: тогда ли, когда был попом, или теперь врешь?" Вскоре он стал бояться отца Валентина просил устроителей диспутов избавить его от "этого философа" [26,118 На несчастном хулителе Духа Святого страшно сбилось слово псалмопев! Давида: смерть грешников люта. Он заболел раком прямой кишки, и при операции оказалось, что опухоль уже проросла в мочевой пузырь. Операционная рана в области таза скоро превратилась в клоаку, наполненну гноем, мочой и червями. "Враг Божий пришел в крайнее озлобление с своих страданий, и даже партийные медицинские сестры... не могли выносить его злобы и проклятий и отказывались от ухода за ним" [2,32-33].

Пастырская совесть отца Валентина не могла быть равнодушной к безобразиям, чинимым разбойничьей организацией, именовавшей себя "Живой Церковью". "Живоцерковники", пользуясь поддержкой Е.А. Тучкова, руководящего работника ОГПУ, ведавшего церковными делами, постепенно захватывали храмы, вводя в богослужение и весь строй церковной жизни неприемлемые новшества. Отец Валентин, воспитывавший в своих пасомых твердость в вопросах веры, категорически запретил им ходить в храмы, занятые "живистами". Долг христианина- не соблазняться и не поддаваться тем ересям и расколам, которые неизбежно бывают в Церкви, так как от века диавол клеветет на создание Божие. Тем прихожанам, которые дерзнут молиться с отступниками, отец Валентин грозил отлучением от исповеди и причастия. Но "живоцерковники" наступали по всем фронтам. Народ был в смятении. Из Ташкента исчез правящий епископ Иннокентий. Все со страхом ожидали приезда назначенного в Ташкент обновленческого архиерея. И вот в этой неразберихе возвышает свой голос всеми любимый пастырь. Отец Валентин вместе с

настоятелем вокзальной церкви отцом Михаилом Андреевым объединил всех оставшихся верными Патриарху Тихону священников и церковных старост, созвал съезд духовенства и мирян для обсуждения вопросов об упорядочении церковной жизни в епархии, оставшейся без архипастыря. На этом же съезде туркестанское духовенство, зная высоту духовной жизни отца Валентина и его ревность в защите Православия, избрало его на Ташкентскую кафедру. Так в экстремальных условиях народ Божий и духовенство, как в первые века христианства, поставил над собой архиерея. "Приехавший в это время на жительство в Ташкент ссыльный епископ Уфимский Андрей (в миру князь Ухтомский) тайно постриг Валентина Феликсовича в монахи с именем Луки. Сначала он хотел дать ему имя целителя Пантелеймона, но, узнав немного о его жизни, решил, что ему более подходит имя евангелиста и апостола Луки, который, по преданию, был художником (иконописцем) и врачом" [18,16]. Но так как, по апостольским правилам, "епископа не поставляют два или три епископа", а на то время, кроме Владыки Андрея, в Ташкенте никого не было, то решено было для хиротонии отправить отца Валентина в город Пенджикент, недалеко от Самарканда, где отбывали ссылку два архиерея - епископ Волховский Даниил (Троицкий) и епископ Суздальский Василий (Зуммер). Сам Святитель Лука так вспоминает об этом: "Мой отъезд в Самарканд должен был быть тайным, и потому я назначил на следующий день четыре операции, а сам вечером уехал на поезде в Самарканд в сопровождении одного иеромонаха, дьякона и своего старшего сына, шестнадцатилетнего Михаила. Утром (30 мая) приехали в Самарканд, но найти пароконного извозчика для дальнейшего пути в Пенджикент оказалось почти невозможным: ни один не соглашался ехать, потому что все боялись нападения басмачей. Наконец нашелся один забулдыга, который согласился нас возить... Преосвященные Даниил и Василий встретили нас с любовью. Прочитав письмо епископа Андрея Ухтомского, решили назначить на завтра Литургию для совершения хиротонии и немедленно отслужить вечерню и утреню в маленькой церкви Святителя Николая Мирликийского, без звона и при закрытых дверях. С епископом жил ссыльный московский священник протоиерей Свенцицкий известный церковный писатель, который тоже присутствовал при моем посвящении. На вечерне и Литургии читали и пели мои спутники и протоиерей Свенцицкий... На следующее утро все мы отправились в церковь. Заперли за собой дверь и не звонили, а сразу начали службу и в начале Литургии совершили хиротонию.

При хиротонии хиротонисуемый склоняется над престолом, а архиереи держат над его головой разомкнутое Евангелие. В этот важный момент хиротонии, когда архиереи разогнули над моей головой Евангелие и читали совершительные слова Таинства, я пришел в такое глубокое волнение, что всем телом задрожал, и потом архиереи говорили, что подобного волнения не видели никогда. Из церкви Преосвященные Даниил и Василий протоиерей Свенцицкий вернулись домой несколько раньше меня и встретили меня архиерейским приветствием: "Тон деспотии..." Архиереем я стал 31 мая 1923 года. В Ташкент мы вернулись на следующий же день вполне благополучно. Когда сообщили об этой хиротонии Патриарху Тихону, то он, ни минуты не задумавшись, утвердил и признал законной мою хиротонию" [2,36-38].

Кафедральный собор в Ташкенте в то время был занят обновленцами. Когда они узнали, что Владыка Лука собирается служить в соборе всенощную и Литургию, то в страхе разбежались. В том году воскресный день совпадал с памятью святых равноапостольных Константина и Елены. Служил Владыка только с одним оставшимся верным Патриарху Тихону священником. Служба прошла спокойно. В следующее воскресенье святитель отслужил всенощное бдение, вернулся домой и стал читать правило ко Святому Причащению. И вдруг в одиннадцать часов вечера раздался стук в дверь. На пороге стояли люди в кожаных тужурках. Обыск завершился арестом. Восходя на Голгофу

архиерейского служения, епископ Лука был готов пойти по многострадальному и скорбному пути исповедничества и мученичества. По нему уже шли многие - архиереи, священники, диаконы и миряне... Но за спиной у Владыки была Богом врученная ему туркестанская паства, за которую болело сердце. Поэтому на случай внезапного ареста он подготовил завещание. Уважение и любовь народа к своему Владыке были так велики, что на следующий день после ареста, в воскресенье, в городе и храмах распространялось перепечатанное на машинке его "Завещание". В этом небольшом по объему, но сильном по духу обращении архипастырь предостерегал верующих от соблазнов отступничества и расколов. Собирались живоцерковники для него - не Церковь, а "дикий вепрь", со всеми присущими этому зверю повадками.

"К твердому и неуклонному исполнению завещаю вам: неколебимо стоять на том пути, на который я наставил вас. Подчиняться силе, если будут отбирать от вас храмы и отдавать их в распоряжение дикого вепря, попущением Божиим вознесшегося на горнем месте соборного храма нашего.

Внешностью богослужения не соблазняться и поругания богослужения, творимого вепрем, не считать богослужением. Идти в храмы, где служат достойные иереи, вепрю не подчинившиеся. Если и всеми храмами завладеет вепрь, считать себя отлученным Богом от храмов и ввергнутым в голод слышания слова Божия.

С вепрем и его прислужниками никакого общения не иметь и не унижаться до препирательства с ними. Против власти, поставленной нам Богом по грехам нашим, никак нимало не восставать и во всем ей смиренно повиноваться. Властью преемства апостольского, данного мне Господом нашим Иисусом Христом, повелеваю всем чадам Туркестанской Церкви строго и неуклонно блюсти мое завещание. Отступающим от него и входящим с вепрем в молитвенное общение угрожаю гневом и осуждением Божиим" [26,137].

И вот - арест святителя, сопровождающийся жестокой травлей в газетах. Достаточно было посмотреть на заголовки центральных газет, чтобы понять, с какой ненавистью силы зла обрушились на верного Патриарху Тихону туркестанского архиерея.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА

Сотрудники ГПУ лихорадочно искали причину, по которой можно было бы упрятать за решетку ненавистного Владыку. Они выдвинули обвинение, по которому епископ Лука подозревался "в связях с оренбургскими контрреволюционными казаками и в шпионаже в пользу англичан через турецкую границу". Причем все это он делал якобы одновременно. Все объяснения епископа Луки, что он физически не мог быть одновременно на Урале и на Кавказе, в расчет не принимались. Пока святитель томился в застенках ГПУ, в город приехал обновленческий епископ Николай Коблов, и все церкви в городе были захвачены раскольниками. Но храмы эти стояли пустыми - народ помнил завещание епископа Луки. По окончании следствия начальник Ташкентского ГПУ направил Владыку в Москву как политического преступника. Всю ночь перед отъездом к нему шли люди, чтобы попрощаться и получить благословение и наставление. Скорбь народа о любимом архипастыре была так велика, что верующие ложились на рельсы, чтобы не дать увезти своего Владыку. В Москве епископ Лука неделю жил на частной квартире, дважды встречался со Святейшим Патриархом Тихоном, один раз служил с ним Божественную Литургию. Святейший Патриарх еще раз подтвердил право епископа Луки заниматься медициной. Вскоре Владыка был заключен в Бутырскую тюрьму, где просидел около двух месяцев. Здесь появились первые признаки серьезной сердечной болезни - миокардита, который впоследствии причинял ему страдания и был причиной сильных отеков ног. Ему

удалось достать Евангелие на немецком языке, и можно только представить себе, какое утешение он испытывал, читая Слово Божие.

Через некоторое время его перевели в Таганскую тюрьму Арестанты эт тюрьмы получили через "Красный Крест" тулупчики от Е.П. Пешковой жены Максима Горького. Однажды, проходя по коридору, Владыка увидел в залитой по щиколотку водой камере сидит полураздетый, дрожащий холода человек. Сжалившись над ним, святитель Лука отдал ему свой полушубок. Это произвело потрясающее впечатление на матерого вора-рецидивиста, который предводительствовал среди уголовников. И каждый раз, когда владыка проходил мимо их камеры, тот очень любезно приветствовал епископа и называл его "батюшкой" [2,42]. Наконец в декабре сформировали этап, и святитель был отправлен в ссылку в Енисейск. Вместе с ним ехал ташкентский протоиерей Михаил Андреев. Позже к ним присоединился еще один арестант - протоиерей Илларион Голубятников. В самый разгар зимы ссыльные прибыли в Енисейск. Разместившись в доме на Ручейной улице вместе с сопровождавшими его священниками. Владыка Лука стал здесь проводить богослужения. В храмы Енисейска он не ходил, потому что местные священники уклонились в живоцерковный раскол. Но истинно верующие люди не смущались простотой обстановки и собирались на молитву прямо в квартире у Владыки. Здесь, в просторном доме, совершались всенощные бдения и Литургии. "В один из праздничных дней, - вспоминает Владыка И вошел в гостиную, чтобы начать Литургию, и неожиданно увидел у противоположной двери незнакомого старика-монаха. Он точно остолбенел, увидев меня, и даже не поклонился. Придя в себя, он, отвечая на мой вопрос сказал, что в Красноярске народ не хочет иметь общение с неверными священниками и решил послать его в город Минусинск, верст за двести к югу от Красноярска, где жил православный епископ. Но к нему не поехал монах Христофор, ибо какая-то сила влекла в Енисейск, ко мне. "Почему же ты так остолбенел, увидев меня?" - спросил я у него. "Как же было не остолбенеть! - ответил он. - Десять лет тому назад я видел сон, который как сейчас помню. Мне снилось, что я в Божьем храме и неведомый мне архиерей рукополагает меня во иеромонаха. Сейчас, когда вы вошли, я увидел этого архиерея!" Монах сделал мне земной поклон, и за Литургией я рукоположил его во иеромонаха. Десять лет тому назад, когда он видел меня, я был земским хирургом в Переславле-Залесском и никогда не помышлял ни о священстве, ни об архиерействе. А у Бога в то время я уже был епископом... Так неисповедимы пути Господни" [2,45- 46].

Сразу же после приезда в Енисейск Владыка пришел в больницу к заведующему и представился: "Я профессор Ташкентского университета, в миру Ясенецкий-Войно, имя мое в монашестве Лука". Молодой врач не поверил даже, что перед ним стоит такой знаменитый человек. Профессор просил у него разрешения оперировать. После первых же сложнейших и удачно проведенных операций к хирургу-епископу хлынул народ из окрестных сел и деревень. Список больных, ожидавших операции, был составлен на три месяца вперед. Такая популярность ссыльного архиерея сильно раздражала местное начальство. А тут еще молодые врачи, которые катастрофически теряли клиентов и заработок, стали проявлять недовольство. Владыка безмолвно обличал их корыстолюбие, бесплатно проводя операции. В ответ на благодарность излеченных он говорил: "Это Бог вас исцелил моими руками. Молитесь Ему". Однажды Владыка вернул зрение целой семье слепцов, страдавших катарактой. Из семи человек шестеро стали видеть.

Но в "награду" за бескорыстное служение народу городское начальство, подстрекаемое завистниками-врачами, арестовало и отправило епископа еще дальше, на Ангару. Вместе с ним ехали священники Илларион Голубятников и Михаил Андреев и две монахини, постриженные самим Владыкой Лукой с именами Лукия и Валентина. Почти сто километров преодолели они по льду Ангары до Богучан, где их потом разлучили:

священников послали в деревню недалеко от Богучан, а Владыку еще дальше - в деревню из восьми дворов с названием Хая. Здесь, несмотря на тяжелые условия для проживания (домик, где он остановился, по крышу заносило снегом), святитель был бодр духом и писал детям своим, чтобы о нем не беспокоились, что Господь отлично устроил его в Хае, он радостен, спокоен, монахини с христианской любовью заботятся о нем. В июне Владыку было приказано отправить назад в Енисейск. Дорога была очень тяжелой: езда верхом на лошади, плавание по Ангаре на лодках через опасные пороги и постоянно гудящее облако гнуса, неизменно досаждавшего всем, кто находился в тайге. Утешением была отслуженная на берегу Енисея под открытым небом вечерня... По прибытии в Енисейск епископ был заключен в одиночную камеру. Через некоторое время его освободили, и Владыка сразу же отслужил архиерейским чином Божественную Литургию в Преображенском храме. В этом же храме святитель совершил по просьбе верующих хиротонию во священника. Деревенский приход неподалеку от Енисейска получил пастыря. Конечно же, власти отправляют "непокорного" епископа Луку в новую ссылку, на этот раз в Туруханск. Это небольшой северный городок, сообщение которого с остальным миром проходило по замерзшему Енисею и его притокам. Морозы здесь были до сорока градусов и больше, а по ночам под окнами выли волки. Когда святитель прибыл в Туруханск и сошел с баржи, люди, встречавшие его, опустились на колени, испрашивая благословения. "Меня сразу же поместили в квартире врача больницы, - вспоминал Владыка, - и предложили вести врачебную работу. Незадолго до этого врач больницы распознал у себя рак нижней губы и уехал в Красноярск. В больнице оставался фельдшер, и вместе со мной приехала из Красноярска молодая девушка, только что окончившая фельдшерскую школу и очень волновавшаяся от перспективы работать с профессором. С этими двумя помощниками я делал такие большие операции, как резекции верхней челюсти, большие чревосечения, гинекологические операции и немало глазных" [26,164}. Самоотверженно трудился доктор-епископ, проявляя деятельную любовь к страждущему человеку. В операционной у него, как и в Ташкенте, стояла икона с теплившейся перед ней лампадой. Перед операцией он всегда творил молитву, ставил на теле больного йодом крест и только потом приступал к делу.

С приездом архиерея оживилась и церковная жизнь в Туруханске. "В Туруханске был закрытый мужской монастырь, - вспоминает епископ Лука, - в котором все богослужения совершались стариком священником. Он подчинялся красноярскому живоцерковному архиерею, и мне надо было обратить его и всю туруханскую паству на путь верности древнему Православию. Я легко достиг этого проповедью о грехе великом церковного раскола: священник принес покаяние перед народом, и я мог бывать на церковных службах " почти всегда проповедовал на них" [2,50]. Конечно, такое оживление и оздоровление духовной жизни не могло понравиться местному начальству. Вскоре Владыку вызвал уполномоченный ГПУ и объявил о запрете благословлять больных в больнице, проповедовать в монастыре и ездить на покрытых ковром санях. Тогда Владыка предложил ему самому повесить на дверях больницы объявление, запрещающее брать благословение у епископа, а также запретить крестьянам подавать к больнице сани, устланные ковром. Уполномоченный этого не сделал, но затаил злобу на твердого и бесстрашного профессора-епископа. И вот через некоторое время чекисты вызвали его в ГПУ, у подъезда которого стояли сани, запряженные парой лошадей. Начальник ГПУ встретил ссыльного и с большой злобой объявил ему, что за неподчинение требованиям исполкома его ссылают еще дальше, на берег Ледовитого океана. В лютые морозы, которые стояли зимой 24/25-го годов, такое путешествие без теплых вещей было равнозначно смертному приговору. Но в пути по замерзшему Енисею Господь не оставил Своего избранника. Владыка потом сам рассказывал: "Я почти реально ощущал, что со мной Сам Господь Иисус Христос, поддерживающий и укрепляющий меня" [2,52].

И вот наконец добрались до деревни Плахино, расположенной на Енисее, между Игаркой и Дудинкой. Здесь жило пять семей, они радушно приняли ссыльного архиерея и обещали заботиться о нем. Эта деревенька, стоящая на краю света, затерянная среди бескрайних снегов, и стала его прибежищем на целых два месяца. Окна в избенке, где жил Владыка Лука, не имели стекол, вместо них были заморожены толстые льдины, и сквозь щели жестокий, пронизывающий ветер наносил внутрь кучи снега. Картина удручающая, и есть от чего пасть духом, но святитель сохранял спокойствие, уравновешенность и терпение [2,54]. В убогих условиях пришлось однажды крестить младенца. Конечно, ни требника, ни облачения, ни святого мира не было. Но преемник апостолов нашел выход из положения. Из полотенец сделал подобие епитрахили, а вместо миропомазания, как древле совершали апостолы, возложил руки на крещаемого с призыванием Святого Духа [2,56].

Тяжелым и горьким был путь исповедничества Владыки Луки. И чем больше ополчался враг рода человеческого на верного святителя, чем страшнее козни он измышлял, тем большая благодать посылалась в помощь страдальцу. Мы не знаем тех внутренних подвигов поста и молитвы, которые нес святитель, но не может град укрыться, веру горы стоя (Мф 5,14). Вот что рассказывает Арсений Кузьмич Константинов - человек, много потрудившийся в тех краях. Он ездил по тундре, заготавливая меха для Московской сырьевой конторы. Однажды он повстречался с епископом Лукой в его избушке в Плахино и вел с ним длинную беседу. И вот в разговоре Владыка сказал Константинову: "Господь Бог дал мне знать: через месяц я буду в Туруханске". Видимо, тот не поверил ему, и святитель, покачав головой, сказал: "Вижу, вижу, вы неверующий. Вам мои слова кажутся невероятными. Но будет именно так" [26,185].

Скоро тот же начальник ГПУ, который отправил Владыку на край света, присылает сани, чтобы вернуть его в Туруханск. Дело в том, что в Туруханске умер крестьянин. Для его спасения была необходима сложная операция, которую без профессора сделать не могли. И крестьяне решили разгромить Сельсовет и ГПУ. Напуганные возмущением народа, власти немедленно послали за Владыкой. Вернувшись, он опять стал работать в больнице, лечить людей и ездить на службу в монастырь на санях, покрытых ковром [26,185]. Второе пребывание в Туруханске длилось восемь месяцев: с начала апреля до ноября. В середине лета Господь утешил Своего святителя обещанием скорого возвращения из туруханской ссылки. Владыка Лука с нетерпением ждал этого дня, но недели шли за неделями, а все оставалось по-прежнему "Я впал в уныние, - вспоминает святитель, - и однажды, в алтаре зимней церкви, которая сообщалась дверью с летней церковью, со слезами молился пред запрестольным образом Господа Иисуса Христа. В этой молитве, очевидно, был и ропот против Господа Иисуса за долгое невыполнение обещания об освобождении. И вдруг я увидел, что изображенный на образе Иисус Христос резко отвернул Свой пречистый лик от меня. Я пришел в ужас и отчаяние и не смел больше смотреть на икону. Как побитый пес, вышел я из алтаря и пошел в летнюю церковь, где на клиросе увидел книгу Апостол. Я машинально открыл ее и стал читать первое, что попало мне на глаза. К большой скорби моей, я не запомнил текста, который прочел, но этот текст произвел на меня чудесное действие. Им обличалось мое неразумие и дерзость ропота на Бога и вместе с тем подтверждалось обещание нетерпеливо ожидавшегося мною освобождения.

Я вернулся в алтарь зимней церкви и с радостью увидел, глядя на запрестольный образ, что Господь Иисус Христос опять смотрит на меня светлым и благодатным взглядом. Разве же это не чудо? Приближался конец моей туруханской ссылки. С низовьев Енисея приходили один за другим пароходы, привозя моих многочисленных товарищей из ссылки, одновременно со мною получивших тот же срок. Наш срок кончился. И эти

последние пароходы должны были отвезти нас в Красноярск. В одиночку и группами приходили пароходы изо дня в день. А меня не вызывали в ГПУ для получения документов. Однажды вечером, в конце августа пришел последний пароход и наутро должен был уйти. Меня не вызывали, и я волновался, не зная, что было предписание задержать меня еще на год. Утром 20 августа я по обыкновению читая утреню, а пароход разводил пары.

Первый протяжный гудок парохода...

Я читаю 4-ю кафизму Псалтыря... Последние слова 31-го псалма поражают меня как гром... Я всем существом воспринимаю их как голос Божий, обращенный ко мне. Он говорит: Вразумлю тя и наставлю тя на путь сей, воньже пойдеш, утвержу на тя очи Мои. Не будите яко конь и меск, имже несть разума: броздами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к тебе. И внезапно наступает глубокий покой в моей смятенной душе... Пароход дает третий гудок и медленно отплывает... Я слежу за ним с тихой, радостной улыбкой, пока он не скрывается от взоров моих... Иди, иди-ты мне не нужен... Господь уготовал мне другой путь, не путь в грязной барже, а светлый, архиерейский путь!

Через три месяца, а не через год, Господь повелел отпустить меня, по- слав маленькую варикозную язву голени с ярким воспалением кожи вокруг нее. Меня обязаны были отпустить в Красноярск. Енисей замерз в хаотическом нагромождении огромных льдин. Санний путь по нему должен был установиться только в середине января... По Енисею возили только на нартах, но для меня крестьяне сделали крытый возок. Настал долгожданный день отъезда... Я должен был ехать мимо монастырской церкви, стоявшей на выезде из Туруханска, в которой я много проповедовал и иногда даже служил. У церкви меня встретил священник с крестом и большая толпа народа. Священник рассказал мне о необыкновенном событии. По окончании Литургии в день моего отъезда вместе со старостой он потушил в церкви все свечи, но когда для проводов меня вошел в церковь, внезапно загорелась одна свеча в паникадиле, с минуту померцала и потухла.

Так проводила меня любимая мною церковь, в которой под спудом лежали мощи святого мученика Василия Мангазейского. Тяжкий путь по Енисею был тем светлым путем архиерейским, о котором при отходе последнего парохода предсказал мне Сам Бог словами псалма 31-го: "Вразумлю тя и наставлю тя на путь, воньже пойдеш, утвержу на тя очи Мои. Буду смотреть, как ты пойдешь этим путем, а ты не рвись на пароход, как конь или мул, не имеющий разума, которых надо направлять удилами или уздою".

Мой путь по Енисею был поистине архиерейским путем, ибо на всех остановках, в которых были приписные церкви и даже действующие, меня встречали колокольным звоном, и я служил молебен и проповедовал. С самых давних времен архиерея в этих местах не видели" [2,58-61]. "" Богатый духовный мир святителя-исповедника раскрывается в""письмах, которые епископ Лука писал своим детям. Трое сыновей и дочь - за них болело отцовское сердце. Из первой сибирской ссылки он писал старшему сыну Михаилу: "Неспокоен я за тебя. В таком возрасте, когда тебе всего больше необходимо мое постоянное воспитательное влияние, ты давно оторван от меня и почти предоставлен самому себе. Никогда еще развращающее влияние среды не было так страшно, как теперь, никогда еще слабые юные души не подвергались таким соблазнам. А я, к сожалению, должен тебе сказать, что из всех моих детей тебя считаю наименее любящим добро, наиболее способным поддаться развращающим соблазнам. Не знаю, может быть, то, что пережил и переживаю я, произвело на тебя глубокое впечатление и внушило благоговение к правде.

Дай Бог, чтобы это было так.

Но в одном из писем бабушки я прочел очень мучительные для меня слова "Впрочем, Миша мало чувствителен". Это ведь так мне известно, так меня мучило всегда. Понимаешь ли ты ужас этой короткой фразы? Ведь это значит, что неправда не пронзает твоего сердца, что не холодеет оно, когда слышишь нравственно страшное, не загорается оно святым негодованием против зла, не пламенеет восторгом, когда слышишь о прекрасном, добром, возвышенном. Не весь ли ты по-прежнему поглощен эгоизмом? Много тщеславия в твоих письмах, а тщеславие так родственно эгоизму. Нет в тебе глубокой серьезности, которая неизбежно рождается в человеке неэгоистичном, не собой занятом, а глубоко чувствующем чужие страдания, тяжесть и беспросветный ужас человеческой жизни... Ни на минуту не забывай, что ты сын епископа, святителя-исповедника Христова, и знай, что это налагает на тебя страшную ответственность перед Богом" [26,191]. Но не забывал святитель слов Христа: Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня не, достоин Меня (Мф. 10,37). Он так и сказал младшему сыну: "Служитель Бога не может ни перед чем остановиться в своей высокой службе, да перед тем, чтобы оставить своих детей" [26,195].

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПЕРВОЙ ССЫЛКИ

Ссылка закончилась в январе 1926 года, и по дороге из Красноярска в Ташкент епископ Лука заехал в Черкассы повидать своих престарелых родителей и старшего брата Владимира. Пробыл у них недолго- он торопился к детям. Вернувшись в Ташкент, он увидел, что благодаря самоотверженным стараниям Софии Сергеевны Велецкой, заменившей им мать, дети благополучны.

После возвращения Владыка поселился на Учительской улице в небольшом Домике в две комнаты с прихожей неподалеку от Сергиевской церкви. В уни верситете его, как неблагонадежного, лишили преподавательского места. И в церковной жизни произошли неприятности между Владыкой и его бывшим духовным наставником протоиереем Михаилом Андреевым возникли разногласия. С 1926 года протоиерей Михаил Андреев стал злейшим врагом епископа Луки. Святитель запретил его в священнослужении, и протоиерей Михаил стал писать жалобы и доносы на него Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию. Эту борьбу он вел два года, добиваясь смещения с кафедры Владыки.

Очевидно, нелегко было святителю претерпевать такие козни от собрата, прошедшего вместе с ним ссылку и гонения. Господь наказал протоиерея Андреева новой ссылкой. Вернувшись измученным, истерзанным, с подорванным здоровьем, он обратился к епископу Луке за врачебной помощью, и тот не отказал ему Митрополит Сергей хотел перевести епископа Луку в Рыльск, потом в Елец, затем в Ижевск. Видимо, из Москвы шли соответствующие указы. Живший тогда в Ташкенте митрополит Арсений (Стадницкий) посоветовал никуда не ехать, а подать прошение об увольнении на покой. Прощение было подписано, и с 1927 года профессор-епископ, лишенный двух кафедр-церковной и университетской, проживал в Ташкенте как частное лицо. По воскресеньям и праздникам он служил в церкви, а на дому принимал больных, число которых достигало четырехсот в месяц. Как и прежде, прием пациентов был бесплатным. Кроме того, вокруг Владыки постоянно находились молодые люди, которые помогали ему, учились у него, а тот посылал их по городу разыскивать, нет ли где бедных людей, долго болеющих, которым нужна врачебная помощь. Таких несчастных находили, и святитель помогал им как мог. Но тучи постепенно сгущались над его головой.

Уже давно местные власти косо смотрели на ненавистного им святителя. Хотя он и был не у дел, люди его почитали и уважали, и обращались к нему как к врачу и пастырю.

Авторитет репрессированного архиерея раздражал чиновников, и они искали причину, чтобы снова упрятать его за решетку. Такой случай вскоре представился.

ВТОРОЙ АРЕСТ И ССЫЛКА

По Ташкенту пронеслась весть о смерти известного в городе профессора-физиолога Ивана Петровича Михайловского. В городе он появился в 1920 году с женой и тремя детьми, спасаясь от голода, свирепствовавшего на Украине. Устроившись в Ташкентском университете, профессор Михайловский стал трудиться на медицинском факультете на кафедре физиологии. Вначале жизнь протекала мирно, и казалось, ничто не предвещало беды. Все рухнуло в 1924 году, когда у Михайловских умер от скарлатины сын Игорь. Допустив в сердце свое сомнение в Промысле Божиим, маловерие и хульные помыслы, профессор оказался не в состоянии перенести эту скорбь, эту тяжелую утрату и повредился умом. После смерти сына он набросился с топором на иконы, изрыгая богохульства и ругательства. Буйство вскоре прошло, но тихое помешательство осталось, что замечали окружавшие его люди. Бывший до того спокойным и добрым, он стал резок, груб, раздражителен, стал избивать жену и детей. Умершего Игоря он отказался хоронить, мумифицировал его тело, объявив всем, что посредством проводимых им опытов по переливанию крови он вернет сына к жизни. Душевнобольной человек покупал мертвому сыну одежду, обувь, конфеты и печенье. Нужно сказать, что опыты, которые проводил на своей кафедре Михайловский, представляли некоторый интерес, но не были чем-то оригинальным или фундаментальным в науке. Больной профессор, манипулируя плазмой, пытался придать крови какие-то особенные свойства, вплоть до возможности воскрешать мертвых. Затем вдруг неожиданно для всех он бросил свою жену с двумя детьми без всяких средств к существованию и женился на двадцатитрехлетней студентке Екатерине Гайдебуровой. Будучи сам уже пятидесяти двух лет от роду, он счастья в этом браке не нашел. После одной из особенно драматических семейных сцен профессор Михайловский застрелился. Молодая вдова Гайдебурова-Михайловская обратилась к Владыке Луке с просьбой документально подтвердить помешательство покойного, так как по церковным канонам священник не имеет право погребать самоубийцу. Отпевать таких людей можно только в том случае если посягнувший на свою жизнь был душевнобольным. Святитель Лука написал короткую справку, в которой удостоверил, что профессор Михайловский покончил жизнь самоубийством в состоянии несомненной душевной болезни, от которой страдал более двух лет. Эта записка и стала формальным поводом к аресту Владыки. Немного раньше по подозрению в убийстве своего мужа была арестована и сама Гайдебурова-Михайловская.

В атмосфере антирелигиозной истерии, которая раздувалась властями на страницах газет и журналов, дело Михайловского приобретало особую окраску. Получив установку из Москвы от самого члена Центральной Контрольной комиссии ВКП(б) Аарона Сольца, следователь Кочетков попытался придать делу политический оттенок. Смысл обвинений, статей и фельетонов сводился к тому, что, дескать, видный советский ученый профессор Михайловский проводил потрясающие опыты по переливанию крови, в результате которых человек может обрести бессмертие. Это "подрывало основы" религии, и "церковные мракобесы" убили профессора. Епископ Лука дал "ложную справку о самоубийстве", чтобы повести следствие по неверному следу. Такая нехитрая аргументация по тем временам не требовала доказательств. И вот 6 мая 1930 года Владыку арестовали и заключили под стражу.

Начались новые хождения по мукам. Пребывание в переполненной людьми душевной камере подействовало на сердце. Нарастала сердечная недостаточность. Кроме того, в течение почти двух месяцев ему не давали возможности помыться в бане. Дочь Елена ходатайствовала перед тюремным начальством о смягчении условий содержания. Ее просьбу поддержали друзья Владыки - профессора М. Сгоним и Рогоза, которые свидетельствовали о кардиосклерозе, склерозе аорты и декомпенсации сердца подследственного. Они писали, что больному необходим абсолютный покой, длительное лечение. Но у чекистов свои "процедуры". На всех этих просьбах одна резолюция: "отказать", "оставить без последствий". И святитель Лука ровно год невинно страдал в тюрьме, неся свой подвиг исповедничества Христа. Только 15 мая 1931 года последовал приговор. Выписка из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ: "Постановили: Войно-Ясенецкого Валентина Феликсовича выслать через ПП ОГПУ в Северный край, сроком на три года, считая срок с 6.V.1930 года. Направить etapом". Кстати, "дело Михайловского" пересматривалось в 1932 году в Москве особо уполномоченным Коллегии ОГПУ. Пересмотр привел к заключению, что действительно И.П. Михайловский покончил жизнь самоубийством*.

Вторую ссылку епископ Лука считал легкой. Жил он в Архангельске, там ему позволили заниматься хирургической деятельностью. На квартиру его определили к пожилой женщине, Вере Михайловне Вальневой. Маленькая комнатка с крохотным оконцем, стол, стул, железная кровать, в углу икона. Молился Владыка келейно, а остальное время занимала работа с больными. Однажды к нему на прием пришла женщина с большим фурункулом на плече. Казалось бы, ничего особенного, но доктора заинтересовала черная мазь, которой пользовалась больная. Оказалось, что делала эту мазь хозяйка, которая сдавала ему комнату. Вначале он возмутился - подумать только, жить под одной крышей со знахаркой. Но потом научный медицинский интерес взял верх. Доктор стал расспрашивать хозяйку, как она приготавливает свои мази. Та ничего не скрывала и показала весь процесс приготовления. Владыка с интересом наблюдал: обеззараженная земля с огорода, мед, свежая сметана, какие-то травы. Так лечили в Архангельске деды и прадеды Веры Михайловны. Но что больше всего поразило профессора - это неизменный результат: раны очень быстро затягивались, боль утихала, гнойные скопления рассасывались. Пронаблюдав не один десяток случаев благотворного действия мази, доктор стал горячим сторонником этого метода. Антибиотиков тогда еще не существовало, и многие больные страдали от гнойных процессов. Чтобы глубже изучить этот метод, он добился от "отцов" города разрешения Вере Михайловне работать в больнице. Но и здесь нашлись завистники из коллег, которые начали возмущаться тем, что Войно-Ясенецкий "в медицинское учреждение притащил безграмотную знахарку". Начальство запретило работы с мазями. В архангельской ссылке епископ-профессор разработал новый метод лечения гнойных ран. Его вызывали в Ленинград, и лично Киров уговаривал его снять сан, после чего обещал тут же предоставить ему институт. Но Владыка не согласился даже на печатание своей книги без указания сана [28,287].

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ВТОРОЙ ССЫЛКИ. ИСКУШЕНИЯ

Срок ссылки кончался в мае 1933 года, но Владыку продержали до ноября. В Москву он приехал лишь в конце ноября и сразу же явился в канцелярию Местоблюстителя митрополита Сергия. Сам Владыка так вспоминает об этом: "Его секретарь спросил меня, не хочу ли я занять одну из свободных архиерейских кафедр. Оставленный Богом и лишенный разума, я углубил свой тяжкий грех непослушания Христову велению: Паси овцы Моя- страшным ответом "нет"..." [2,76].

Это был тяжелый период в жизни епископа-хирурга. Великое искушение несколько лет терзало его душу. До сих пор в этом несомненно великом человеке мирно сосуществовали

два образа служения ближнему: духовное и телесное врачевство. И яркий пример евангелиста Луки, апостола и врача, и благословение Патриарха-исповедника Тихона, и благословение митрополита Сергия были тому подтверждением. Но истосковавшемуся в ссылке по настоящей работе профессору хотелось основать Институт гнойной хирургии, хотелось передать громадный врачебный опыт, накопленный годами таким тяжким трудом. А время шло, здоровье слабело, уже пятьдесят шесть...

В Министерстве здравоохранения епископу-профессору, только что вернувшемуся из ссылки, отказали. И он оказался на перепутье. Неутолимая тяга к хирургии, отказ в министерстве, невозможность ехать в Ташкент (так как кафедра была занята) - все это толкало его на необдуманные поступки. "На обеде у митрополита Сергия один из архиереев посоветовал мне ехать в Крым. Без всякой разумной цели я последовал его совету и поехал в Феодосию... Питался в грязной харчевне, ночевал в Доме крестьянина и наконец принял новое бестолковое решение - вернуться в Архангельск. Там месяца два снова принимал больных в амбулатории". Затем короткое свидание с семьей в Ташкенте. Местное начальство работы не давало; вскоре удалось устроиться в небольшой больнице в Андижане. Здесь он не только проводил операции, но и читал курс хирургии для специалистов. Но, отклонив архиерейское служение, он мучился мыслью о том, что прогневал Бога. Редкую тропическую болезнь, сопровождавшуюся отслоением сетчатки глаза, он принял как Божие наказание. Пришлось ехать в Москву чтобы сделать глазную операцию. Причем оперировать пришлось дважды, так как первая операция была неудачной. "Я лежал с завязанными гла после операции, - пишет он в мемуарах, - и поздно вечером меня о внезапно охватило страстное желание продолжать работу по гнойной хирургии. Я обдумывал, как снова написать об этом наркомом здравоохранения с этими мыслями заснул. Спасая меня, Господь Бог послал мне необыкновенный вещий сон, который я помню с совершенной ясностью и теперь через много лет. Мне приснилось, что я в маленькой пустой церкви, торой ярко освещен только алтарь. В церкви, неподалеку от алтаря, у стены стоит рака какого-то преподобного, закрытая тяжелой деревянной крышкой. В алтаре на Престоле положена широкая доска, а на ней лежит голый человеческий труп. По бокам и позади Престола стоят студенты и врачи и курят папиросы. Я читаю им лекцию по анатомии на трупе. Вдруг я вздрагиваю от тяжелого стука и, обернувшись, вижу, что упала крышка с раки преподобного, он сел в гробу и, повернувшись, смотрит на меня с немим укором. Я в ужасе проснулся... Непостижимо для меня, что и этот страшный сон не образумил меня" [2,78]. "Я в письме или на словах через монахиню Софию Муравьеву обратился к схиархиепископу Антонию (Абашидзе) с просьбой высказать свое мнение по поводу имевшихся у меня угрызений совести вследствие оставления церковного служения и возвращения к хирургии. Он ответил мне в письме на имя священника Сергия Александрова- успокоительно" [26,146].

"В своих покаянных молитвах я усердно просил у Бога прощения за это двухлетнее продолжение работы по хирургии, но однажды моя молитва была остановлена голосом из неземного мира: "В этом не кайся!" И я понял, что мои "Очерки гнойной хирургии" были угодны Богу, ибо в огромной степени увеличили силу и значение моего исповедания имени Христова в разгар антирелигиозной пропаганды" [2,79]. И вот наконец осенью 1934 года, после десятилетней подготовки вышла в свет монография "Очерки гнойной хирургии". Коллеги высоко оценили этот серьезный научный труд, который не раз помогал им в повседневной хирургической практике. В.А. Поляков, хирург из Центрального института травматологии и ортопедии, так отзывался об "Очерках...": "Пожалуй, нет другой такой книги, которая была бы написана с таким литературным мастерством, с таким знанием хирургического дела, с такой любовью к страдающему человеку" [25,130].

1935 и 1936 годы для святителя Луки были тихими и мирными. Он обосновался в Ташкенте, где получил в распоряжение главную операционную в Институте неотложной помощи, руководил третьим, самым большим корпусом этого института. Дети тоже радовали отца. Старший, Михаил - ученый-врач в Таджикистане, в Сталинабаде, Алексей учится и работает в Ленинграде у известного физиолога Орбели. Валентин заканчивает медицинский в Ташкенте. Здесь же живет со своей семьей и дочь с мужем, юрисконсульт Наркомпроса. При Владыке находился небольшой "монастырь" - монахини Лукия Верхотурова) и Валентина (Черкашина), которые приехали за ним из енисейской ссылки, и монах Мелетий (Рукосуев), пятидесяти лет, бывший келейник Красноярского епископа Амфилохия (Скворцова), работавший дворником живший возле Владыки. Все они духовно окормлялись у святителя.

ТРЕТИЙ АРЕСТ И ССЫЛКА

Но вот настал особенно тяжелый для Церкви период, когда начальником московского ОГПУ стал Ежов, - 1937 год, год массовых арестов духовенства и всех подозреваемых во враждебном отношении к советской власти.

24 июля 1937 года чекисты явились в маленький домик в 1-м проезде Воровского, произвели обыск и арестовали святителя. На следующий день следователь Кириллов уже вел допрос. В архиве УКГБ по Узбекской ССР сохранилось следственное дело епископа Луки. На одной из его страниц есть фотографии. Седовласый шестидесятилетний старец с окладистой бородой сфотографирован в профиль и анфас. На другой - тот же старец с коротко остриженной головой, без бороды и усов, с печатью страданий на лице. Вместе с епископом Лукой по этому делу были арестованы архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Борис (Шипулин), архимандрит Валентин (Ляходкий), несколько священников кладбищенской церкви Ташкента, среди них протоиерей Михаил Андреев и протодиакон кладбищенской церкви Иван Серeda. Все они обвинялись в создании "контрреволюционной церковно-монашеской организации", ставящей своей целью активную борьбу с советской властью, свержение существующего строя и возврат к капитализму. Но самым страшным было обвинение в шпионаже в пользу иностранной разведки [28,29]. К этому не постеснялись добавить и обвинение Владыки в убийстве больных на операционном столе. Старший лейтенант Лацис называл заслуженного профессора "хиругом-вредителем". Для человека, всю свою жизнь спасавшего людей от недугов и смерти, это было особенно оскорбительно. Кроме того, в тюрьме всячески попирались его законные права: следователи препятствовали обращению к высшим представителям власти, в протоколы не вносили заявлений, оправдывающих подследственного.

Протестуя против насильственного отрыва от священнослужения, хирургии, важной научной работы, против лишения семьи, свободы и чести епископ Лука объявил голодовку и виновным себя не признал. Во время допросов он претерпел карцер, побои, издевательства. У чекистов был такой прием, который назывался "конвейер". Непрерывные допросы, сопровождаемые пытками и побоями, доводили подследственного до умопомрачения. Обычно в таком состоянии и подписывался необходимый следственный документ, а обвиняемый навсегда исчезал в лабиринтах ГУЛАГа. Владыка Лука испытал на себе дважды нечеловеческую жестокость этого "изобретения": "Этот страшный конвейер продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивавшие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем, ни ночью. Я опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это, меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал от истощения. У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации. То мне казалось, что по комнате бегают желтые цыплята, и я ловил их. То я видел себя стоящим на краю огромной впадины, в которой

был расположен город, ярко освещенный электрическими фонарями. Я ясно чувствовал, что под рубахой на моей спине шевелится змея. От меня неуклонно требовали признания в шпионаже, но в ответ я только просил указать, в пользу какого государства я шпионил. На это ответить они, конечно, не могли. Допрос конвейером продолжался тринадцать суток, и не раз меня водили под водопроводный кран, из-под которого обливали мне голову холодной водой" [2,80].

После одного из таких конвейеров, продолжавшегося с 23 ноября по 5 декабря 1937 года, его, обессиленного от побоев и издевательств и, очевидно, ничего не понимавшего, заставили подписать протокол допроса. Обращает на себя внимание подпись. Она поставлена нетвердой, дрожащей рукой замученного человека. В этом протоколе писалось, что Войно-Ясенецкий якобы входил в состав контрреволюционной нелегальной организации, которая хотела свергнуть советскую власть и установить капиталистический строй.

Допрос прерван. Сердце сдало, с тяжелыми отеками ног его поместили в тюремную больницу. Когда в июле 1938 года возобновили допросы, то Владыка Лука сделал заявление, которое необходимо привести полностью, так как оно свидетельствует об огромном мужестве и дерзновении святителя.

"В первом протоколе допроса я назван поляком по воле следователя. На самом деле я всю жизнь считался русским. Так как упоминание о моем дворянском происхождении придает неблагоприятную окраску моей личности, то я должен разъяснить, что отец мой, дворянин, в юности жил в курной избе белорусской деревни и ходил в лаптях. Получив звание провизора, он лишь два года имел свою аптеку, а потом до старости был служащим транспортного общества. Никакой собственности он, как и я, не имел.

В деле отсутствуют мои заявления Наркомму о трех голодовках. Причиной первой, начатой тотчас после ареста, было крайнее возмущение неожиданным арестом среди напряженной научной работы, весьма важной для военно-полевой хирургии, и глубокое сознание своей непричастности к каким-либо преступлениям. На шестой день этой голодовки, когда я, по старости, был уже в тяжелом состоянии, меня допрашивал следователь Кириллов.

Вторая голодовка, начатая с первого же дня "непрерывки", была вызвана тем, что на меня внезапно обрушился поток ужасной ругани и оскорблений. Я предпочитал умереть от голода, чем жить с незаслуженным клеймом шпиона, врага народа, убийцы своих больных путем операций. Голодовка эта, как и первая, продолжалась семь дней, и следствие, в форме "непрерывки" при сидении на стуле день и ночь без сна, продолжалось. На седьмую ночь следователь Кириллов составил протокол о моем отношении к революции и к Советской власти. Этот протокол, датированный 23 ноября 1937 года, я, несмотря на тяжелое состояние от голода и лишения сна, долго отказывался подписать, но следователь Кириллов обманул меня обещанием продолжить протокол завтра и в нем изложить подлинные мои ответы... Прошу принять во внимание следующее изложение моего политического "credo"...

Признать себя контрреволюционером я могу лишь в той мере, в какой это вытекает из факта проповеди Евангелия, активным же контрреволюционером и участником дурацкой поповской контрреволюции я никогда не был, и до крайности оскорбительно мне роль блохи на теле колосса - Советской власти, приписываемая мне следствием и ложными показаниями моих оговорщиков. Все двадцать лет Советской власти я был всецело поглощен научной работой по хирургии и чистым служением Церкви, очень далеким от всякой антисоветской агитации. Совершенно неприемлемо для меня только отношение

Советской власти к религии и Церкви, но и здесь я далек от активной враждебности. Полное расхождение между подписанным мною протоколом от 5 декабря 1937 года и полным отрицанием своей вины при допросе в январе 1938 года, протокола которого в деле нет, и в протоколе допроса 23 февраля 1939 года объясняется мучением "непрерывки", т.е. допроса без сна. При сидении на стуле в течение трех недель я был доведен до состояния тяжелой психической депрессии, до потери ориентации во времени и пространстве, до галлюцинаций, до огромных отеков на ногах. Мучение было так невыносимо, что я неудачно пытался избавиться от него (без цели самоубийства) перерезкой крупной артерии. В конце "непрерывки", дойдя до отчаяния, я предложил следователю Кириллову написать признание, в котором все будет сплошной ложью. На мой вопрос, ищет ли НКВД правды или нужна и ложь, следователь Кириллов ответил: "Чего же, пишете, может быть, нам что-нибудь и пригодится". Такой же точно ответ я услышал и от начальника 2-го отделения Лациса, которого следователь Кириллов позвал вместо Наркома, от которого я хотел получить санкцию слов Кириллова. Я предупредил, что никаких дальнейших показаний о составе и деятельности неизвестной мне контрреволюционной организации я, конечно, дать не могу. Тем не менее на следующее утро Кириллов и Лацис потребовали этих показаний и составили акт о моем отказе от дальнейших показаний. Я немедленно начал третью голодовку с целью получить возможность в заявлении о ней сообщить Наркому о происшедшем. Голодовка продолжалась 7 дней, и заявления моего о ней в деле нет.

Профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий.
29 марта 1939

Совершенно неожиданно следствие документально зафиксировало еще одну несомненную добродетель святителя. Будучи сам, несмотря на свои напряженные труды, на грани нищеты, когда его семья часто не видела и необходимого, Владыка регулярно оказывал помощь ссыльным архиереям и священникам, посылая им деньги. Посылал он денежные переводы епископу Евгению (Кобранову), с которым познакомился в 1926 или 1927 году в Ташкенте. Регулярно отправлял по 50 рублей в месяц епископу Иоасафу (Жевахову), с которым встретился в ссылке в Архангельске. Протоиерею Боголюбову знакомому по архангельской ссылке, до самой его смерти посылал ежемесячно по 30 рублей. Несколько раз помогал двум ссыльным епископам Макарию (Кармазину) и Порфирию (Гулевичу). Ссылному священнику Мартину Римше, проживавшему под Красноярском, Владыка оказывал регулярно материальную помощь. В 1936 году с монахиней Софией он послал денег схиархиепископу Антонию (Абашидзе), который подвизался в затворе в Киеве. Владыка Лука был глубоко убежден в том, что церковная оппозиция митрополита Кирилла (Смирнова) и раскол, который учинил митрополит Иосиф (Петровых), губительны и для них, и для соблазненной паствы, и не одобрял их противостояния митрополиту Сергию, заместителю Патриаршего Местоблюстителя. Но милосердие святителя подвигло его оказать материальную помощь этим двум митрополитам, когда они оказались в ссылке.

Особенно тяжелым испытанием для епископа Луки было предательство близких ему людей. Протоиерей Михаил Андреев, под руководством которого профессор Войно-Ясенецкий, можно сказать, воцерковлялся, когда посещал богословские собрания в вокзальной церкви Ташкента, который следовал вместе с епископом Лукой в далекую сибирскую ссылку, не выдержав тюремных пыток, лжесвидетельствует на Владыку. Архиепископ Борис (Шипулин), который был правящим Ташкентским архиереем и который, конечно, но же, знал об огромном авторитете и кристальной честности епископа-хирурга, тем не менее лжесвидетельствует на него. И архимандрит Вал (Ляхоцкий), неоднократно получавший от Владыки материальную помощь подписывается под

обвинением в том, что епископ Лука иностранный и государственный преступник. Протоиерей кладбищенской церкви Середа тоже поливает грязью святителя. Но Владыка остается тверд и допросах, ни на кого не клеветает, никого не оговаривает. Он верит, что показания против него выбиты силой, хотя тот же протоиерей Иван Середа являлся секретным сотрудником ГПУ, а об архиепископе Борисе (Шипулине) Владыке Луке известно, что во время предыдущих арестов тот своими ложными показаниями погубил немало невинных людей. Впоследствии и протоиерей, и Преосвященный Борис передавали записки в камеру епископа Луки, где писали, что их показания вынужденны и искажены и на суде они от них откажутся. Но суда не последовало, и Особое совещание осудило епископа Луку к ссылке на пять лет в Красноярский край. Подписавшие же ложные обвинения архиепископ Борис, протоиерей Иван Середа, протоиерей Михаил Андреев и епископ Евгений (Кобранов) были приговорены к расстрелу, а архимандрит Валентин - к десяти годам лагерей.

ТРЕТЬЯ ССЫЛКА. ВОЙНА

И вот - третья ссылка. На этот раз в районный центр Большая Мурта в ста десяти километрах от Красноярска. В марте 1940 года ссыльный Войно-Ясенецкий, епископ, хирург с мировым именем, живет и работает в районной больнице, что называется, за белое и питание. Церковь в Большой Мурте взорвали еще в тридцать шестом году, и Владыка ходил молиться в рощу, расположенную на окраине поселка. Здесь, в маленькой больнице, он много оперирует и продолжает работу над "Очерками гнойной хирургии".

Когда началась Великая Отечественная война, епископ Лука не остался в стороне, не таил обиду. Он пришел к руководству райцентра и предложил свой опыт, знание и мастерство для лечения воинов Советской армии. В это время в Красноярске организовывался огромный госпиталь. С фронта уже шли эшелоны с ранеными.

В октябре сорок первого епископ Лука назначен консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя. Он с головой погружается в многотрудную и напряженную хирургическую работу. Самые тяжелые операции, осложненные обширными нагноениями, приходится делать прославленному хирургу. Раненые офицеры и солдаты очень любили своего доктора. Когда профессор делал утренний обход, они радостно приветствовали его. Некоторые из них, безуспешно прооперированные в других госпиталях по поводу ранений больших суставов, неизменно салютовали ему высоко поднятыми уцелевшими ногами.

Приезжавший в госпиталь с инспекторской проверкой профессор Приоров отмечал, что ни в одном из госпиталей он не видел таких блестящих результатов лечения инфекционных ранений суставов. Это было официально признанием беззаветного труда Преосвященного Луки на благо ближнего. Кроме того, его деятельность была отмечена грамотой и благодарностью Военного совета Сибирского военного округа [27,48]. Срок ссылки закончился в середине 1942 года, и этой же осенью Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием епископ Лука возведен в сан архиепископа и назначен на Красноярскую кафедру. Итак, волей Божией благословением священноначалия Владыка возвратился к архиерейскому служению. Но, возглавляя Красноярскую кафедру, он, как и раньше, продолжал хирургическую работу, возвращая в строй защитников Отечества.

СЛУЖЕНИЕ НА КРАСНОЯРСКОЙ КАФЕДРЕ

А состояние епархии было ужасным. Когда Владыка Лука прибыл в ссылку в Красноярск в 1940 году, начальник районного НКВД заявил ему: "Во всей Сибири мы не оставили ни одной церкви". Это почти соответствовало действительности, так как к тому времени

только в Новосибирске осталась незакрытой одна кладбищенская церковь. В начале марта 1943 года после усиленных хлопот святитель добился открытия маленькой кладбищенской церкви в слободе Николаевка, предместье Красноярска. Из города до этой церкви пять-семь километров, осенью и зимой дорога трудна и опасна, так как в Николаевке было много грабителей. Поэтому ко всеобщей приходило мало богомольцев, и за год Владыка служил всеобщую только два раза в большие праздники и вечерние службы Страстной седмицы, а перед обычными воскресными службами вычитывал всеобщую дома, в госпитале, при шуме, доносившемся из концертного зала, расположенного недалеко от дома святителя. Только в последнее время за ним стали присылать лошадь, запряженную в розвальни, а почти год он ходил в церковь пешком и так переутомлялся, что в понедельник даже не мог работать в госпитале. Начиная свое служение в Красноярске Владыка с единственным в городе священником - протоиереем Захаровым. Он оказался нерадивым пастырем, и вскоре его пришлось запретить в священнослужении и представить доклад в Синод о снятии с него сана. Через три месяца после открытия церкви Бог послал второго священника, Николая Попова, смиренного и доброго пастыря, а за два-три месяца до отъезда из Красноярска Владыка Лука назначил настоятелем церкви Петра Ушакова, с помощью которого удалось обновить состав церковного совета, председателем которого он и стал. При постоянном давлении властей на Церковь, когда уполномоченные по делам религии и НКВД ставили во главе церковных советов своих агентов, это было смелым поступком со стороны правящего архиерея. Но Владыка оставался верен своему призванию и всеми силами старался навести порядок в епархии. Запрещенный протоиерей Захаров вместе с сообщниками, которые расхищали церковные средства, усиленно добивались открытия Покровского собора, расположенного в центре города. Получив эту церковь, они надеялись пригласить туда обновленческого архиерея. Владыка сумел прекратить их раскольническую деятельность.

Из многих сел, районных центров и городов на имя архиерея поступали прошения об открытии церквей. Владыка направлял их в соответствующие органы, но оттуда приходил один и тот же ответ: "Ходатайства посланы в Москву, и по получении ответов вам будет сообщено". Это известный бюрократический прием, позволяющий благополучно замять любое дело. И действительно, ответов на запросы епархия не получала. Мало того, в некоторых городах и районных центрах представителей общин, подававших ходатайства об открытии церквей, встречали запугиванием и угрозами.

Таким образом, вся Восточная Сибирь от Красноярска до Тихого океана не подавала никаких признаков церковной жизни. По наблюдениям архипастыря и отзывам сибирских священников народ в Сибири, особенно Восточной, был малорелигиозен. К концу 1943 года во всей епархии действовала одна-единственная крошечная церковь в Николаевке. И архиепископ Лука понимал, что если не открыть храмы в различных местах Красноярского Края, то возможно полное духовное одичание народа. Стремление к Богу, несмотря ни на что, сохранялось, особенно среди пришлых украинцев, резко отличавшихся от коренных сибиряков своей религиозностью. Но духовный голод в их среде привел к тому, что богослужение и Таинства совершали миряне, даже женщины. Кроме того, много бродило по епархии всяких самозванцев, выдававших себя за священников, а то и просто мошенников, эксплуатировавших религиозность народа. Таким тяжелым было положение Красноярской епархии, да и только ли в ней?..

8 сентября 1943 года в Москве состоялся Поместный Собор, на котором Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей был избран Патриархом Среди участников торжеств был и архиепископ Лука. В списке из девятнадцати иерархов, членов Собора, он значится четвертым. На этом же Соборе красноярского архиерея избрали постоянным членом

Священного Синода. Кстати, еще до созыва Собора между Владыкой Лукой и Патриаршим Местоблюстителем завязалась обширная переписка по основным вопросам современной жизни. Некоторые из писем митрополита Сергия можно было назвать небольшими богословскими трактатами [5,17].

Владыка Лука, как человек долга, не терпел разгильдяйства и нерадивости. Он мог выгнать из операционной хирурга, уронившего на пол скальпель, также строго поступал он и с недостойными пастырями. Митрополит Сергий своих письмах смягчает жесткий ригоризм Владыки, увещевая его проявлять больше снисхождения к согрешающим членам Церкви. Архиепископ Лука ссылается на четкие и конкретные канонические правила, но соглашается митрополитом Сергием, что "должную линию поведения в отношении отлучения надо искать где-то посередине" [II]. Владыка Лука проникся глубоким почтением к выдающемуся архипастырю. Во время предсмертной болезни Патриарха Сергия он неоднократно слал телеграммы в Чистый переулок справляясь о его здоровье.

В 1943 году, в самый разгар войны, к многочисленным хирургическим операциям, которые проводил профессор-архиерей, спасая раненых солдат, добавилась еще обязанность участвовать в работе Синода. Владыка чувствует, что он физически не успевает справляться с возросшей нагрузкой. Он пишет Патриарху Сергию прошение, в котором излагает проблему. Дело в том, что заседания Синода проходят ежемесячно, а на дорогу из Красноярска в Москву, учитывая военное время, уходит три недели. А в госпиталях его ждут раненые. Владыка смиренно просит перенести его участие в заседаниях Синода на более поздний, по возможности летний срок. Патриарх Сергий, принимая во внимание исключительную занятость Владыки, освобождает его от присутствия на заседаниях [12].

Напряженная работа архиепископа Луки в красноярских госпиталях давала блестящие научные результаты. В конце 1943 года опубликовано второе издание "Очерков гнойной хирургии", переработанное и значительно дополненное, а в 1944 году вышла книга "Поздние резекции инфицированных огнестрельных ранений суставов". За эти два труда ему была присуждена Сталинская премия I степени. Из двухсот тысяч рублей этой премии сто тридцать тысяч Владыка перечислил в помощь детям, пострадавшим в войне. Книги получили прекрасные отзывы коллег. В частности, академик И.А. Кассирский писал, что эти труды будут перечитываться и через пятьдесят лет. Слава об архиепископе-хирурге растет, о нем уже пишут в США, специальный корреспондент ТАСС приезжает для того, чтобы сделать фотоснимки и взять интервью. По просьбе профессора С.С. Юдина скульптор лепит его бюст. Два местных художника пишут портрет Владыки.

В 1944 году, вслед за победоносным наступлением наших войск, эвако-госпитали переехали в Тамбов. Владыка Лука был назначен хирургом-консультантом. Его ожидало широкое поле деятельности в госпиталях и областной больнице. Молодые врачи, работавшие под началом опытного профессора, получили немало ценных советов и наставлений. В феврале 1944 года Войно-Ясенецкий развернул научно-практическую работу, результаты которой изложены в монографии "О течении хронической эмпиемы и хондратах". Насыщенность и обширность хирургической работы была колоссальной. Шестидесятисемилетний Владыка работал по восемь-девять часов в сутки и делал четыре-пять операций ежедневно! Все это сказалось на и без того подорванном в ссылках и тюрьмах здоровье. В письме к Н.П. Пузину, знакомому по красноярской ссылке, ставшему впоследствии хранителем музея Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, он с грустью сообщал громадности нагрузки, о крайней усталости и неврозах.

СЛУЖЕНИЕ НА ТАМБОВСКОЙ КАФЕДРЕ

В том же 1944 году Владыка получил указ о назначении на Тамбовскую кафедру. По данным тамбовского облисполкома, на 1 сентября 1942 года в области числилось сто сорок семь незакрытых церквей, однако действующими были только церкви в Тамбове и Мичуринске. Подавляющее большинство использовалось как подсобные и складские помещения. В Покровской церкви Тамбова и продолжил свое архипастырское служение святитель Лука. 26 февраля 1944 года в этом храме Владыка произнес свою первую проповедь: "Пятнадцать лет были закрыты и связаны мои уста, но теперь они вновь раскрылись, чтобы благовествовать вам слова Божий. Примите мои утешения, мои бедные, голодные люди. Вы голодны отсутствием проповеди слова Божия. Храмы наши разрушены, они в пепле, угле и развалинах. Вы счастливы, что имеете хоть небольшой, но все же храм. Он грязен, загажен, темен, но зато в сердцах наших горит свет Христов. Давайте сюда живописцев, художников. Пусть они пишут иконы, нам нужен ваш труд для восстановления уничтоженного, и вера засияет новым пламенем". Как писал в своих письмах Владка "тяжелый невроз прошел, когда возобновилось церковное служение" [27,49].

В Покровском храме в Тамбове впервые прозвучали слова покаяния священнослужителей, примкнувших к обновленческому движению. Чин покаяния для тех, кто "в малодушии своем убоился страданий за Христа и избрал путь лукавства и неправды", составленный самим архиепископом- исповедником был достаточно строгим, но необходимым для очищения совести согрешившего [21].

С первых же дней управления епархией Владыка ходатайствовал об открытии в Тамбове большого двухэтажного Спасо-Преображенского собора который вместил бы всех верующих, но местные власти всячески препятствовали этому. Впервые после революции тамбовский архипастырь излагает перед Священным Синодом план возрождения духовной жизни в епархии: религиозное просвещение интеллигенции, знакомство ее с миром духовным, Церковное воспитание детей, открытие воскресных школ для взрослых. Получив запрет на созыв общепархиального собрания духовенства и мирян, он обратился к верующим с призывом: "Примемся все, сильные и слабые, бедные и богатые, ученые и неученые, за великое и трудное дело восстановления Церкви Тамбовской и жизни ее" [21]. И действительно, общенародный духовный подъем привел к тому, что к 1 января 1946 года было открыто двадцать четыре прихода.

Огромное впечатление на прихожан производили проповеди святителя. Их приходили послушать и верующие и неверующие, в том числе и представители интеллигенции. Их записывали прямо в храме, а затем перепечатывали на машинке.

Прошло чуть больше двух месяцев после назначения на Тамбовскую кафедру, но эхо самоотверженной архипастырской деятельности святителя Луки докатилось и до Москвы. Уполномоченный по делам религии Г.Г Карпов выговаривал Патриарху Сергию, что "тамбовский Владыка в хирургическом госпитале в своем кабинете повесил икону, перед исполнением операций совершает молитвы, на совещании врачей эвакогоспиталя за столом президиума находится в архиерейском облачении, в дни Пасхи 1944 года делал попытки совершать богослужения в нефункционирующих храмах, делал клеветнические выпады по отношению к обновленческому духовенству" [20, 76].

Святитель Лука, находясь на высоте своего архиерейского достоинства, никогда не угодничал перед властями, и это раздражало светских начальников всех рангов. Но тем не менее они не могли не отметить его огромный вклад в медицинскую науку и

практическую хирургию. В Тамбове он был награжден медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов".

После смерти Патриарха Сергия, перед выборами нового Патриарха, в Москве состоялось Предсоборное совещание. На этом совещании Владыка Лука выступил с предложением вернуться к традиции Поместного Собора 1917-1918 годов и избирать Патриарха голосованием из нескольких предложенных кандидатур. Однако по не зависящим от него причинам на самом Соборе, где выбирали Патриарха, архиепископ Лука не присутствовал.

В феврале 1945 года Патриарх Алексей I наградил Владыку Луку правом ношения на клобуке бриллиантового креста. Жители Тамбова и через сорок с лишним лет с благодарностью вспоминают труды святителя-хирурга. Вторая городская больница названа его именем. При этой же больнице создан музей архиепископа Луки и в 1994 году ему установлен памятник.

В 1945-1947 годах Владыка Лука работал над сочинением "Дух, душа, тело". По замыслу автора, эта книга имела целью религиозное просвещение отпавших от веры. Своими серьезными богословскими размышлениями о проблемах христианской антропологии святитель Лука противостоял официальной оглушительной трескотне о непримиримом противоречии науки и религии. Рассматривая трехсоставность человеческого существа, взаимоотношение духа, души и тела, автор утверждал православное понимание природы человека в противовес атеистическому. В соответствии с Библией и учением святых отцов, он говорит о сердце как органе общения человека с Богом, как органе Богопознания. В книге очень много ссылок на Священное Писание. На нем, как на прочном фундаменте, Владыка строил свои доказательства. Свой труд он считал апологетическим- путем привлечения новейших научных данных и открытий он подтверждал истинность вероучительных догматов. Будучи сам вдумчивым и основательным ученым и вместе с тем глубоко верующим человеком, занимающим высокую иерархическую ступень, он тем самым показал, что ничто не препятствует гармоническому сосуществованию веры и науки. К сожалению, при написании этой работы автору, в силу объективных причин, недоступны были все те труды, которыми он хотел бы воспользоваться. В письме к профессору Московской Духовной академии протоиерею А. Ветелеву он признавался, что когда писал свой труд "Дух, душа, тело", то ему пришлось очень немного читать, и все это сочинение явилось плодом только его собственных размышлений. По отзыву митрополита Мануила (Лемешевского), в его трактате встречаются спорные высказывания, не подтвержденные авторитетом Церкви [22, 160].

Карательная машина государственных репрессий преследовала Владыку Луку на протяжении одиннадцати лет- лучшего периода жизни для творческой активности и обобщения духовного и научного опыта, лишая его возможности спокойного академического изучения святоотеческого наследия. Относительно спорных моментов в труде архиепископа Луки нужно сказать, что Святая Церковь всегда ясно указывала на то, что некоторые суждения святых отцов, высказанные ими в их писаниях, являются их частным богословским мнением и догматического значения не имеют. Таковы, например, некоторые высказывания святителя Григория Нисского, блаженного Августина, преподобного Исаака Сирина. То же самое мы видим и в трактате святителя Луки "Дух, душа, тело". Да и сам Владыка делал оговорку, подчеркивая, что "мы не в силах достаточно ясно уразуметь тайны домостроительства Божия, и только Священное Писание и подвиг веры помогают приподнять эту таинственную завесу" [23, 48].

СЛУЖЕНИЕ НА КРЫМСКОЙ КАФЕДРЕ

Указ Патриарха о переводе на Крымскую кафедру святитель принял как волю Божию. Во время Великой Отечественной войны в Крыму шли особенно жестокие бои. Приехав в Симферополь в мае 1946 года, Владыка в полной мере ощутил тяжесть разрухи первых послевоенных лет. Поселился архиепископ на втором этаже двухэтажного дома на улице Госпитальной. Здесь расположилась и его канцелярия. Со стороны главной проезжей улицы Пролетарской - была пристроена домовая церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Совсем рядом находились Петро-Павловский и федеральный Свято-Троицкий соборы.

Владыка ревностно приступает к своему служению на новом месте. Много работы по упорядочению епархиальных дел легло на плечи семидесятилетнего старца. Церкви разрушены, народ в нищете, священников не хватает, власти используют любые возможности, чтобы закрыть тот или иной храм. Но несмотря на преклонный возраст, на болезни, которые одолевают его, архиепископ Лука употребляет много сил и энергии по наведению порядка в епархии.

Местное начальство, по всей видимости, вряд ли обрадовалось приезду прославленного архиепископа-хирурга. Он не заискивал и не гнул перед властью имущими, что выяснилось с первых же шагов Владыки на крымской земле. По приезду в Симферополь он не явился лично к уполномоченному по делам Русской Православной Церкви Я.Жданову, а прислал секретаря с сообщением о своем вступлении на кафедру. Естественно, это взбесило уполномоченного, и он потребовал личной явки архиерея. Владыка приехал, и между ними состоялся тяжелый разговор; тем не менее архипастырь настоял, в частности, на том, чтобы его называли не по имени и отчеству, а как положено: "Владыка" или "Ваше Преосвященство".

Архиепископ Лука назначал, увольнял, перемещал духовенство без согласования с уполномоченным. А когда тот стал оказывать давление на архиерея и препятствовать его деятельности, Владыка написал жалобу в Москву о том, что крымский уполномоченный охотно закрывает и неохотно открывает церкви. В поселке Советском Владыка уволил церковного старосту. Тот, пользуясь поддержкой власти, продолжал чинить безобразия в церкви. Архиепископ Лука обратился в местные советские органы с просьбой удалить его, уполномоченный прислал бумагу, где "разъяснял о невмешательстве в церковные дела советских органов". Как видно из доклада в Москву Я. Жданова архиереем за малейшее нарушение канонических правил лишал сана, увольнял за штат, переводил с одного прихода на другой, не считаясь ни с какими желаниями или оправданиями священников. А тех пастырей, которые в заключении и ссылках безвинно страдали за Христа, приближал к себе, назначал на лучшие приходы [16].

Уполномоченные Я.Жданов, а за ним и А.Яранский характеризуют Владыку как самолюбивого и высокомерного. Но вся жизнь святителя по казывает, что не может быть самолюбивым человек, положивший все свои силы на благо служения ближнему. Служения до полного забвения себя, до самопожертвования. Не может быть высокомерным такой хирург, для которого каждый человек - это страдающее Божие создание нуждающееся в его помощи. И не понять советским чиновникам, что не тщеславие руководило поступками архиерея, когда он требовал подобающего к себе отношения, а осознание исключительности благодатного служения, возложенного на него как на преемника святых апостолов. Сохранилось письмо Владыки к протопресвитеру Николаю Колчицкому, где особенно явлено смирение святителя. "Признаться, я смущен вашим чрезмерно высоким мнением о мне и думаю, что вы очень преувеличиваете, ставя меня чуть ли не первым среди иерархов Русской Церкви. Я сам мало с кем из них знаком, но вполне уверен, что среди них есть много гораздо более сильных, чем я, в вере,

благочестии, Православии любви, обладающих высокими нравственными достоинствами, которых мне недостает" [10].

Сохранилась небольшая часть указов и посланий, с которыми обращала Владыка к своей пастве. В 1948 году, учитывая тяжелейшее состояние сельских приходов епархии, святитель обратился с рапортом к Патриарху. В нем он сообщал, что храмы по воскресным и праздничным дням пустуют народ отвык от богослужений. Кое-как сохраняется обрядовое; о венчании об отпевании умерших народ забыл, очень много некрещеных детей. По мне нию архиепископа Луки, причина отчуждения народа от Церкви лежит в том что верующие лишены возможности посещать богослужения, потому что местные сельские власти в воскресные и праздничные дни принуждают исполнять колхозные работы, или устраивают "воскресники", или производят ветринарный осмотр скота. Владыка просит Святейшего Патриарха ходатайствовать перед правительством о предоставлении верующим права свободно посещать церковь в праздничные дни. Получив от Святейшего Патриарха Алексия I благословение на месте решать эту проблему, Владыка Лука предписывает благочинным собрать конкретные данные, кто из местных властей умышленно препятствует верующим посещать церковь под разными предлогами, чтобы потом поставить вопрос перед уполномоченным [6, 69].

Святитель также внимательно следил за церковным благочинием: "Приближается Великий пост, а поэтому прошу отцов благочинных напомнить всем священнослужителям вашего благочиния об обязательном применении на исповеди в дни поста правил св. Иоанна Постника и проследить за выполнением этих правил" [6, 101]. "Некоторые священники крестят подростков, юношей, девушек и взрослых без всякого оглашения, при полном незнании крещаемыми даже самых элементарных начатков христианского учения. Вменяю в обязанность священникам научать желающих принять Таинство крещения Символу веры с объяснением его, Десяти заповедям и Заповедям блаженств и важнейшим молитвам. Без такого оглашения не крестить достигших сознательного возраста. В восприемники и восприемницы при крещении ни в коем случае не принимать неверующих и имеющих некрещеных детей" [6, 100].

"Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему; я желал бы лучше сам быть отлученным от Христа (Рим. 9,2-3), чем видеть, как некоторые из вас отлучают от Христа, от веры в Него и любви к Нему слабых верою овец стада Христова своим корыстолюбием. Не есть ли священнослужение вообще, а в наше время в особенности, тяжелый подвиг служения народу, изнывающему и мучающемуся от голода и жажды слышания слов Господних (Ам. 8, II)? А многие ли священнослужители ставят своей целью такой подвиг? Не смотрят ли на служение Богу как на средство пропитания, как на ремесло требоисправления? Народ очень чутко распознает таких. Что делать с таким священником? Попробую устыдить его, затронуть лучшие стороны сердца его, переведу в другой приход с строгим предупреждением; а если и там не исправится, уволю за штат и подожду, не пошлет ли Господь на его место доброго пастыря.

Тяжкие испытания и страдания перенесла Церковь наша за время Великой революции, и, конечно, не без вины. Давно, давно накопился гнев народный на священников...

И с отчаянием видим мы, что многих, многих таких и революция ничему не научила. По-прежнему, и даже хуже прежнего, являют они грязное лицо наемников - не пастырей, по-прежнему из-за них уходят люди в секты на погибель себе" [6].

Архиепископ Лука, сам истово совершавший богослужения, требовал того же и от духовенства. Он внушал священникам, что они не имеют права сокращать

богослужения, собирал съезды благочинных, чтобы обсудить положение на приходах и решить важные церковные проблемы. Владыка считал совершенно недопустимым крещение обливанием. Настоятеля Ильинского храма города Саки он запретил в служении на полгода за крещение обливанием, а также сокращение чинопоследования Таинства, за хранение запасных Святых Даров в своей квартире, расположенной в двух шагах от церкви, и за упорное ношение гражданской одежды [6, 27].

Строг был Владыка к нерадивым священнослужителям. Не раз он грозно вопрошал их: "Какой ответ дам за вас Богу?" Но нуждающимся он всегда приходил на помощь, несмотря на их недостойность. Был в Крымской епархии заштатный иерей Григорий Алейников, который в пору своей бурной молодости десять лет находился в обновленчестве, затем в 1942 году был рукоположен в Православной Церкви, но на новом месте служения зарекомендовал себя очень плохо. Неоднократно увольняли его за штат с понижением в должности до псаломщика за небрежное исполнение священнических обязанностей. Некоторое время он был в запрете за пьянство. Но когда на старости лет оказался совершенно одиноким (детей нет, жена убита в 1942 году) и без средств к существованию, то святитель Лука, сжалившись над его убожеством, хлопотал перед Святейшим Патриархом о назначении пенсии [8].

Особенным посланием увещевал святитель священников и диаконов, чтобы не забывали об обязанности учить народ. Сам Владыка был выдающимся проповедником: собрано около одиннадцати томов его проповедей. Он был избран почетным членом Московской Духовной академии. Святейший Патриарх Алексей I в феврале 1959 года намеревался внести предложение на очередное заседание Священного Синода о присуждении архиепископу Луке степени доктора богословия [20, 51].

Прихожане кафедрального собора слышали проповеди Владыки не только в воскресные и праздничные дни, но и в будние, после Литургии. Его слово имело особенную силу и действенность, потому что перед прихожанами стоял не кабинетный ученый, пересказывающий прочитанное в богословских книгах, а убежденный сединами старец-архипастырь с богатым житейским и духовным опытом, прошедший одиннадцать лет тюрем и ссылок и имеющий не только каноническое, но и моральное право учить народ и призывать его к подвигам во имя Христа. Удивительное дело: на святителе Луке с буквальной точностью сбылись Господни слова:

Если Меня гнали, будут гнать и вас, если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше (Ин. 15, 20).

Две тысячи лет тому назад у ног Христа сидели люди, которые с чистой душой и открытым сердцем внимали Его словам, но были среди них и те, которые, дыша злобой, внимательно вслушивались в слова проповеди, чтобы уловить в чем-то Христа, обвинить Его. Так и среди слушателей архиепископа Луки были те, кто "по долгу службы" скрупулезно фиксировал каждый "неблагонадежный" момент в его проповеди. В секретном письме секретаря Крымского обкома ВКП(б) Н. Соловьева от 28 октября 1948 года слышатся отголоски антихристианской злобы двухтысячелетней давности. Вот набор типичных фраз из его лексикона, за каждую из которых можно было бы навсегда исчезнуть в застенках КГБ: "Вся "религиозная" деятельность Луки носит ярко выраженный антисоветский характер... По приезде в Крым Лука развивает энергичную религиозную деятельность... В своих проповедях Лука открыто и систематически проповедует сочувствие к царскому самодержавию и ненависть к советскому строю и его руководителям... В силу особого положения Крыма, как пограничной полосы, мы считаем необходимым через соответствующие органы удалить Луку из Крыма" [17, 4]. Но не

догадывался гонитель, что ровно через два года, 27 октября 1950 года, на закрытом заседании Верховного Суда СССР он сам будет говорить свое последнее слово перед тем, как ему будет вынесен смертный приговор... Вследствие этого доноса Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР потребовал от Московской Патриархии запретить архиепископу Луке выступать с проповедями. Состоялась беседа Владыки со Святейшим Патриархом Алексием I. Архиепископ пообещал по-степенно отменить свои проповеди в будние дни, а по воскресеньям и праздникам ограничиться толкованием Священного Писания. Но Г.Г. Карпов продолжал гонение на святителя и в письме к Сталину требовал "в благоприятный момент при наличии надлежащего повода подвергнуть изоляции" Владыку [17, 4].

По тем временам проповеди архипастыря были очень смелыми. Он открыто и безбоязненно высказывал свои мысли по актуальным вопросам: "Теперь у нас Церковь отделена от государства. Это хорошо, что государство не вмешивается в дела Церкви, но в прежнее время Церковь была в руках правительства, царя, а царь был религиозным, он строил церкви, а теперь такого правительства нет. Наше правительство атеистическое, неверующее. Осталась теперь горсточка верующих русских людей, и терпят беззакония другие... Вы скажете, правительство вам, христианам, нанесло вред. Ну что же, да, нанесло. А вспомните древние времена, когда ручьями лилась кровь христиан за нашу веру. Этим только и укрепляется христианская вера. Это все от Бога". Утешая страдающий от безбожников верующий народ, Владыка в своей проповеди 9 ноября 1947 года предсказывал в будущем облегчение скорбей: "Если вы спросите меня, когда же прекратятся эти лишения и будет хорошая жизнь, то я скажу вам, что прошедшие тридцать лет - это ничтожный срок. Пройдет еще много десятков лет, прежде чем жизнь наша будет вполне нормальной" [17, 4].

Какое огромное мужество нужно было иметь, какую твердую веру и несомненную надежду на помощь Божию, чтобы говорить людям истину в окружающем потоке лжи, безверия и цинизма!

В своем послании в июне 1955 года Владыка призывал священнослужителей епархии постоянно возвещать слово Божие: "Если священник главным делом жизни своей поставил насыщение ума и сердца своего учением Христовым, то от избытка сердца заговорят уста. И не обязательно проповедь должна быть витиеватой. Дух Святой, живущий в сердце священника, как в Своем храме, Сам проповедует его смиренными устами" [6].

В послевоенное время, когда Церковь испытывала острую нехватку священнослужителей, появилось много людей, выдававших себя за священников. Иногда это были священники, запрещенные в служении законной архиерейской властью, а иногда просто аферисты. Владыка Лука дал распоряжение чтобы о таких подозрительных лицах сообщали ему. Он разослал по приходам синодики, в которых были перечислены имена умерших священников служивших в Крымской епархии. Эта благочестивая традиция сохраняется в Свято-Троицком кафедральном соборе и доныне, когда на богослужениях минаются имена усопших клириков, монахов и монахинь давно разоренных уничтоженных монастырей.

Сохранились официальные документы в связи со скандалом в Свято-Никольском храме города Белогорска. 16 ноября 1959 года был подписан Указ №66. Подпись "Архиепископ Лука" сделана неразборчиво, рукой совершенно слепого человека. Но твердостью духа и мужеством дышат строки Указа: "За присвоение себе архиерейского права - увольнение священника, за проведение собрания без участия настоятеля церкви, за закрытие на замок Свято-Николаевского собора города Белогорска и удержание ключей от него бывшего

церковного старосту Марка Софроновича Вишневого и Андрея Аркадьевича Галашкина запрещают в причащении Святых Таин Христовых на пять лет каждого и навсегда лишают права быть избранными в церковный совет... Настоящий Указ мой должен быть оглашен с амвона в три праздничных дня после Литургии..." [6, 36]. Это было в конце пятидесятых годов, когда старосты при поддержке властей и уполномоченных начинали руководить всеми делами прихода, считая себя князьками истинными хозяевами в церкви, всячески игнорируя распоряжения настоятеля и священников. Эта тенденция будет официально закреплена в Уставе 1961 года. Но сам процесс ломки веками установившейся приходской жизни начался гораздо раньше.

Суров Высокопреосвященнейший Владыка к строптивым овцам своего стада. Но, видя раскаяние согрешивших, уменьшает отлучение от Причастия. Не прошло и месяца, как святитель милостиво принял искреннее раскаяние припавших к его стопам грешников и уменьшил епитимию. Святитель Лука очень внимательно относился к нуждам клириков епархии. Так, на съезде благочинных он поднимал вопрос о достойной оплате труда диаконов, псаломщиков и регентов. Регулярно рассылал по приходам анкеты, которых просил указать, какое жилье имеют члены клира, сколько за него платят и нужно ли ставить вопрос об улучшении жилищных условий. Он также интересовался, не претерпели ли кто из священнослужителей ущемлений со стороны финансовых органов при обложении подоходным налогом.

Необходимо отметить, что взаимоотношения с властями, особенно с уполномоченным по церковным делам, были очень тяжелыми для Владыки. Разными путями хотели они закрыть как можно больше церквей. В ход шли любые причины. То в храме отыскивалась маленькая трещина, которая на бумаге выростала до невероятных размеров, то возводилась клевета на священника, чтобы его изгнать из прихода, а храм закрыть. В таких случаях святитель всячески защищал священников.

При правлении государством Н.С. Хрущевым, был объявлен очередной поход против Церкви, последовал новый виток антирелигиозной пропаганды. После выхода в свет печально известного Постановления ЦК КПСС и выс- тупления Хрущева святитель Лука обратился с проповедью к растерянной и напуганной пастве. "Не бойся, малое стадо" - так называется его проповедь, произнесенная в праздник Покрова Пресвятой Богородицы в 1954 году "Везде и повсюду, несмотря на успех пропаганды атеизма, сохранилось малое стадо Христово, сохраняется оно и поныне. Вы, вы, все вы, слушающие меня, это малое стадо. И знайте и верьте, что малое стадо Христово непобедимо, с ним ничего нельзя поделаться, оно ничего не боится, потому что знает и всегда хранит великие слова Христовы: Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ей (Мф. 16,18). Так что же, если даже врата ада не одолеют Церкви Его, то чего нам смущаться, чего тревожиться, чего скорбеть?! Незачем, незачем! Малое стадо Христово, подлинное стадо Христово неуязвимо ни для какой пропаганды" [6,125].

После приезда в Симферополь в 1946 году Владыка рассчитывал на то, что его знание и опыт в хирургии будут востребованы. Однако прошло полтора месяца, прежде чем разрешение на медицинскую деятельность было получено. С 1946 года профессор Войно-Ясенецкий был консультантом госпиталя в Симферополе, помогал госпиталю инвалидов Великой Отечественной войны. Со конца 1947 года он как хирург и профессор читал доклады, лекции врачам, оперировал больных и раненых [16]. Уполномоченный Я. Жданов характеризовал врачебную деятельность архиепископа Луки как активную. Владыка аккуратно посещал собрания Хирургического общества, куда приводили гражданские и военные врачи, внимательно слушал их доклады, выс- тупления, обязательно вносил необходимые поправки. Однажды на заседании, по свидетельству

врача ГФ. Пятидверной, один военный хирург задал вопрос Владыке: "Как вы, такой специалист, хирург, можете верить в Того, Которого никто никогда не видел, в Бога?" Профессор ответил: "Вы верите в любовь?" - "Да". - "Вы верите в разум?" - "Да". - "А вы видели ум?" - "Нет". - "Вот так и я не видел Бога, но верю, что Он есть" [7].

Были опубликованы результаты его последних медицинских исследований. Но сам вид профессора, читающего лекции неизменно в рясе и с панагией, до того раздражал медиков, что в Алуште однажды его доклад был сорван. руководство работой хирургических амбулаторий и чтение лекций по гнойной хирургии было также отменено. Ему было рекомендовано читать доклады " лекции на медицинские темы не в архиерейской, а в светской одежде. Святитель Лука категорически отказался. Тогда его перестали приглашать для Чтения лекций. Профессор П.П. Царенко, в свое время слушавший лекции В.Ф. Войно-Ясенецкого в Ташкентском университете и пытавшийся изгнать "попа" из аудитории, исправил свою неудачу тем, что снова стал инициатором гонения на Владыку, но уже в Симферополе. По его настоянию руководство Крымского мединститута не дало возможности преподавать знаменитому профессору [26,457].

Сохранилось письмо, в котором Владыка Лука отвечает на вопросы студентов мединститута, изложенные профессором П.П. Царенко:

"Многоуважаемый Петр Петрович! В ответ на недоумение ваших студентов по поводу моего архиерейского служения им следовало бы сказать, что очень странно отрицать то, чего не знают и не понимают, и судить о религии только по антирелигиозной пропаганде. Ибо, конечно, среди них вряд ли найдется кто-нибудь, читавший Священное Писание. Наш великий физиолог Павлов, академик Владимир Петрович Филатов, каноник (т.е. священник) Коперник, преобразовавший всю астрономию, Луи Пастер умели же совмещать научную деятельность с глубоко верой в Бога.

Глубоко религиозным я был с самого детства, и вера моя не только не уменьшалась, как они думают, по мере приближения глубокой старости (мне скоро будет 82 года), а все более усугублялась. За 38 лет своего священства и архиерейского служения я произнес около 1250-ти проповедей, из которых 750 записаны и составляют 12 толстых томов машинопечати. Советом Московской Духовной Академии они названы "исключительным явлением в современной церковно-богословской жизни" и "сокровищницей изъяснения Священного Писания", и я избран почетным членом Академии. Как видите, это очень далеко от примитивных суждений вашей студенческой молодежи. Свои "Очерки гнойной хирургии" я написал, уже будучи епископом. С почтением, архиепископ Лука. 1959 г."

Святитель-хирург продолжал врачебную практику у себя дома. На двери его кабинета было вывешено объявление, которое сообщало, что хозяин этой квартиры, профессор медицины, ведет бесплатный прием ежедневно, кроме праздничных и предпраздничных дней. Много больных стекалось к профессору-епископу, и никому он не отказывал в помощи. До сих пор исцеленные с благодарностью вспоминают своего доктора.

Однажды к нему на прием пришла худая, изможденная женщина с перевязанным горлом, Александра Васильевна Борисова. В 1948 году ее мужа, офицера, направили служить на Дальний Восток. Там она простудилась, сильно заболело горло. В военном госпитале, несмотря на активное лечение, состояние больной не улучшалось. Болезнь прогрессировала: высокая температура, страшная боль в горле. Глотать невозможно, в течение долгого времени она пила только воду. Консилиум врачей сообщил, что помочь уже ничем не может, и предложил больной вернуться на родину, в Крым. Можно понять отчаяние молодой женщины, матери двоих детей. Родители, люди верующие, повели ее

к Владыке Луке. Тот доброжелательно принял больную, осмотрел горло и сказал, что если бы она не обратилась к нему, то исход был бы плачевным. Владыка помолился, перекрестил больную и сказал: "Теперь ты будешь здорова. Сними с горла повязки, понемногу ешь все, больше кислую и соленую пищу. А перед едой и после еды полоскай горло раствором - на стакан воды чайная ложка соли и две-три капли йода". Больная вышла от святого, почувствовав бодрость и легкость в теле, и на второй день забыла, что у нее болело горло. Через месяц она поехала на Дальний Восток к мужу, и там все были удивлены ее быстрым выздоровлением. Сама Александра Васильевна считает, что с ней произошло чудо - святитель Лука исцелил ее [7]. У подполковника, участника Великой Отечественной войны, в 1947 году в семье случилось горе. Его четырехлетний сын, играя, сломал себе руку в запястье. Врачи наложили гипс, но после снятия гипса оказалось, что кости срослись неправильно. Врачи собирались снова сломать руку, чтобы исправить искривление. Испуганные родители обратились к архиепископу Луке. Тот внимательно осмотрел руку мальчика и сказал: "Ломать не надо. Мальчик растет, и кости его растут, все рассосется, и косточки выровняются, а Господь поможет". Так и получилось. Родители хотели дать доктору вознаграждение, но он отказался, сказав, чтобы они жертвовали, сколько могут, на Церковь и на бедных, и дал адреса нуждающихся семей [7, свидетельство Ю.Н. Орловой].

Нужно сказать, что для святителя-хирурга Луки не было "медицинского случая", а был живой страдающий человек, и физическое выздоровление он всегда связывал с обращением к Богу, всегда учил больных у Бога просить выздоровления. Как-то Владыка увидел мужчину, который держал на руках грудного младенца. В глазах отца было столько горя и безысходности, что святитель заговорил с ним. Оказалось, что в семье молодого, подающего надежды актера Юрия Демидова случилось горе. В праздник Благовещения его жена Анастасия, покормив пятимесячную дочь, уложила ее спать, а сама занялась домашними делами. Заметив в углу на потолке паутину, она тут же решила обмести ее, забыв, как в детстве учили ее родители об особенном почитании праздника Благовещения. Она стала на край бака с вываривающимся бельем. Бак пошатнулся, и Анастасия, потеряв равновесие, обеими ногами провалилась в кипящую воду. Ее сразу же отвезли в больницу. В отделении она оказалась самой тяжелой больной.

Положение усугублялось еще тем, что она была кормящей матерью. Юрий как раз и возвращался из больницы, куда он трижды в день возил кормить маленькую девочку. Владыка внимательно выслушал рассказ и сказал: "Я на обходе и помню эту больную. Что ж, Господь милостив, молитесь. А я, с Божьей помощью, чем смогу - помогу". И, посмотрев на Юрия, еще раз вторил требовательно: "Молитесь!"

На следующий день в больнице состоялся консилиум. Все хирурги, а их было четверо, решили ампутировать обе ноги, так как положение было очень сложным. Но профессор Войно-Ясенецкий настаивал на лечении. Коллеги удивились:

-Лечить?! Профессор, но ситуация безнадежная, происходит распад ткани, вы же видели! В любой момент может начаться заражение!

- Будем лечить! Гноем. Ее же гноем.

Врачи с сомнением качали головами, но спорить с автором "Очер гнойной хирургии" никто не решился.

...Каждую весну, в течение многих лет, приезжала в Симферополь исцеленная Анастасия поклониться могиле у Всехсвятского храма, где покоился человек, спасший ей жизнь,

утвердивший ее веру в Бога, в Его бесконечное терпение и милосердие [7, свидетельство Ю.Н. Орловой]. У одной женщины, жительницы поселка Зуя, заболела трехлетняя дочь. У ребенка болел глаз. Мать обратилась к местному детскому врачу, та лечила девочку около месяца, но улучшения не последовало. После почти полугодового лечения в больнице выяснилось, что у девочки растет бельмо. Отчаявшись, женщина обратилась за помощью к архиепископу Луке. Он внимательно осмотрел больную девочку, написал рекомендательное письмо знаменитому главному хирургу в госпиталь инвалидов войны в Симферополь Владыка просил его сделать девочке операцию, подробно описал болезнь, сделал рисунок глаза, дал рекомендации по подготовке к операции, даже указал, какой режим питания должен быть до и после операции. Но мало того через свою подчиненную Владыка передал в госпиталь все необходимое для девочки. Когда мать после операции снова привела девочку к святителю, осмотрел глаз и сказал: "Слава Богу, все хорошо. Молитесь, и я помолюсь Господь поможет нам" [7, свидетельство Л.Г Третьяковой].

Мария Германовна Тринихина рассказывала, что приблизительно в 1 году у ее дочери вдруг начался перитонит кишечника. Врачи определили ее положение как безнадежное. Тогда она обратилась к Владыке Луке. Тот посмотрел девочку, ознакомился с историей болезни и сказал, что ее можно спасти. Дал направление на операцию, но врачи не решились оперировать. Тогда Владыка лично явился в больницу и подробно проконсультировал врачей. Операция прошла успешно [7].

Семен Трофимович Каменской был безнадежно болен и просил архиепископа Луку присутствовать на его операции. Святитель Лука спросил:

- Верить ли ты в Бога?

- Верю, Владыка, но в Церковь не хожу, - последовал ответ.

- Молись, благословляю тебя и отстраняю от операции. Пятнадцать лет ты не будешь иметь никакой болезни.

Так и случилось, по слову святителя [7, свидетельство А.Д. Белой].

У матери Анны Михайловны Кудряшовой после каждого приема пищи начинались сильные боли, которые были настолько сильны, что она кричала и ей приходилось долго лежать, пока боли не утихали. Врачи после тщательного исследования сказали, что необходима операция. Тогда они обратились к Владыке. Тот осмотрел больную, помолился, дал лекарство, и болезнь прошла без всякого следа [7].

Зоя Кузьминична Орлова свидетельствует о прозорливости святителя Луки. Ее мать, Держакова Акилина Феодуловна, в 1959-1960 годах помогала печь просфоры при кафедральном соборе. Святителю, видимо, импонировало бескорыстие просфорницы Акилины (она не брала плату за свой труд), и он предсказал будущее ее, ее детей и внуков. Он говорил, что дети Акилины переживут через свою работу. Так и случилось. Зоя Кузьминична, будучи на пенсии, тринадцать лет трудится на том же производстве. И еще говорил, что перед концом дети познают Бога. Автор этого сообщения свидетельствует о своей вере в Бога. Зоя Кузьминична еще не была замужем, а святитель Лука говорил, что она будет равна с мужем и что у них родится сын, который будет лучше отца. Сын имеет высшее образование, а у отца - неполное среднее. Далее Владыка сказал Акилине, чтобы та оставила работу просфорницей и нянчила внука, потому что она только-только успеет поднять его. И действительно, в 1966 году родился мальчик, очень болезненный, на первом году жизни болел воспалением легких, ему нужен был особый

уход. Бабушка смогла ухаживать за ним только до четырех лет и умерла. И последнее, что сказал архиепископ Лука, - это что зять Акилины умрет неожиданно, а дочь перед концом будет при больших деньгах. Предсказание сбылось. Муж Зои Кузьминичны неожиданно умер. Сидел, разговаривал, потом вдруг склонился и умер. Предсказание сбылось и насчет денег [51].

Клирик Крымской епархии протоиерей Леонид Дунаев вспоминает: "В Московской области жила женщина, которая была серьезно больна. Сын ее, большой начальник, приглашал лучших врачей, достал множество дорогостоящих лекарств, но больная облегчения не получила. В отчаянии она обратилась с письмом к архиепископу Луке. Владыка ответил ей, посоветовав усердно помолиться Богу, возложить всю надежду на Него и прекратить прием всех лекарств. Через некоторое время выздоровевшая женщина приехал Симферополь лично поблагодарить святителя за выздоровление" [7].

Однажды к Владыке пришла женщина со своим двенадцатилетним сыном. На шее у него была огромная опухоль, которая свисала на грудь. Врачи ставили на операции, но святитель, осмотрев его, улыбнулся и сказал: "Никаких операций. Через три дня зайдете ко мне". Через три дня благодарная мать привела под благословение к архиерею полностью выздоровевшего сына [7, свидетельство прот. Леонида Дунаева]. После каждого богослужения Владыку провожали до самого дома прихожане кафедрального собора. Его искренняя любовь к людям отзывалась взаимной любовью. У дверей дома он снова всех благословлял. Благодать Божия почивала на святителе, и людям не хотелось уходить от него.

Владыка Лука щедро оказывал врачебную помощь всем нуждающимся. Священнослужители Крымской епархии ближе всех были сердцу Владыки как сопастыри и сомолитвенники. Однажды он собрал их и сказал: "Если вы и члены ваших семей вдруг заболеют, в первую очередь обращайтесь ко мне". В конце сороковых годов у священника Леонида Дунаева заболела жена, матушка Капитолина. Отец Леонид сказал об этом Владыке, тот ответил: "Не смейте давать ей лекарство". На следующий день он справился о здоровье матушки и опять повторил запрет давать лекарство. На третий день после Литургии отец Леонид пригласил Владыку посетить матушку. Та лежала, прикованная недугом к постели, и даже не могла принимать пищу.

Святитель зашел в дом.

- Где больная?

Его провели в комнату больной.

- Ваш отец Леонид непослушный. Я ему сказал, чтобы он не давал вам лекарства.

- Нет, Владыка, он не давал мне лекарств.

-Тогда вот вам лекарство: во имя Отца и Сына и Святого Духа! С этими словами он широким крестом благословил больную. Владыка уехал, а матушка поднялась с постели и стала принимать пищу. Здоровье ее пошло на поправку [7]. Другой случай произошел с женой священника Иоанна Милославова, секретаря епархии, Надеждой Ивановной. Когда Владыка Лука приехал на вечернее богослужение, отец Иоанн доложил ему, что с матушкой Надеждой случился приступ. Врачи, приехавшие на скорой помощи, не увидели ничего серьезного. Дети отца Иоанна, имевшие медицинское образование, осмотрев мать, тоже не признали ничего опасного. Выслушав секретаря, Владыка очень

взволновался. Срочно потребовал машину Матушка встретила Владыку в большом смущении:

- Спаси вас Господи, Владыка, но труды ваши напрасны: приступ прошел и я чувствую себя хорошо.

Внимательно осмотрев ее, святитель позвал отца Иоанна. Разговор был коротким: если в течение двух часов его жене не будет сделана операция, то она умрет. Матушку Надежду срочно привезли в больницу, собрали консилиум врачей, но те сказали, что операция не нужна. Прошел час. Матушка уже сама начала просить, чтобы ей сделали операцию, так как несомненно верила слову святителя. Наконец врачи решились все же оперировать, и когда вскрыли брюшную полость, то обнаружили огромный нарыв, который вот-вот готов был разорваться. Врачи были поражены точной диагностикой архиепископа Луки. Матушка Надежда была спасена.

У настоятеля Джанкойского храма протоиерея Бориса Липацкого случился приступ. Врачи скорой помощи сказали, что нужна операция. Помня наказ Владыки, отец Борис доложил ему о своем здоровье. Тот сказал, что, если согласиться на эту операцию, нужно будет сделать потом еще две и что ход этих операций может быть плохой. Предсказал, что будет еще два приступа. Положившись на волю Божию, отец Борис перенес эти приступы остался жив [7, свидетельства прот. Леонида Дунаева]. Симферопольские военные медики просили профессора прочитать курс лекций по гнойной хирургии и консультировать их госпиталь. Не один консультанту пришлось братья и за скальпель. Одного пациента - секретаря Керченского горкома партии - доставили в Симферополь с гнойным процессом в тазовых костях. Случай тяжелый, почти безнадежный. И тогда главный хирург попросил, чтобы оперировал сам профессор Войно-Ясенецкий. Все врачи госпиталя пришли смотреть эту сложную операцию. Еще до первого разреза он показал все точки, где ожидал встретить гноения. Операция прошла блестяще, и медики госпиталя получили замечательный урок врачебного мастерства [26, 426].

Галина Федоровна Пятидверная свидетельствует о Владыке, как о выдающемся диагносте: "К нам в госпиталь поступил больной на долечивание с жалобами на боли в правом бедре и невозможность передвигаться. В боях он получил контузию, ранения не было. При осмотре больного все ведущими специалистами госпиталя никакой патологии обнаружено было, ни на снимках, ни в анализах. Нужно выписывать, а он не может ходить. Наш ведущий хирург, человек резкий и решительный, на обходе сказала: "Он симулянт, выписывайте". Мне было его очень жаль, и я просила профессора Войно-Ясенецкого посмотреть этого юношу. Владыка осмотрел его внимательно, долго смотрел ему в глаза. Ему подали снимки, анализы, но он не взял их: "Ничего не надо, увезите больного".

Когда юношу увезли, профессор сказал: "У больного рак предстательной железы с метастазами в бедро". Это прозвучало как гром среди ясного неба. "Не верите? Давайте его в операционную". В операционной, после успокоительной беседы, под местным наркозом по наружной поверхности бедра был произведен разрез и из него выпал конгломерат опухоли 5-6 сантиметров напоминающий красную икру, который направили на срочную гистологию.

Через 30 минут в предоперационную, где сидели все врачи во главе с профессором, вбежала гистолог и сказала: "Вы прислали мне метастаз из раковой опухоли предстательной железы". Владыка Лука сказал: "Если мож вызовите маму больного". Через две недели юноша скончался" [7].

Конечно, Владыка хотел приносить пользу своим соотечественникам врачую их болезни. Но время неумолимо шло вперед, здоровье стало ухудшаться, зрение на единственном здоровом глазу притуплялось. Знаменитый одесский окулист Филатов нашел у него помутнение хрусталика, но до полной слепоты должно было пройти еще от трех до десяти лет. Зрение медленно угасало, и к 1956 году Владыка полностью ослеп [22,159].

Но слепота его не препятствовала активному доброделанию. Сердце святого Божия было переполнено любовью и жалостью к ближним. Не имея возможности оказать медицинскую помощь Галине Филиной, у которой была саркома головного мозга, он сказал матери: "Я буду за нее молиться". Прихожане рассказывают, что Владыка служил в будний день Божественную Литургию, усердно молился и, стоя на коленях, произносил особые прошения за бьющую отроковицу Галину. И Господь услышал его молитвы. Девочка выздоровела, стала продолжать учебу, впоследствии она окончила медицинский институт, защитила кандидатскую диссертацию, работала в Москве в Институте сывороток и вакцин имени Менделеева [7, свидетельство В.М. Тимошек].

Анна Дмитриевна Стадник обладала прекрасным голосом, и Владыка благословил ее учиться на курсах псаломщиков и радовался ее успехам. Однажды она попала в автокатастрофу, и врачи, чтобы спасти ей жизнь, ввели огромное количество противогангренозной и противостолбнячной сыворотки. Начался токсикоз, поднялась температура. Во время обхода профессор обратил на нее внимание, отменил все лекарства, и мало-помалу она стала поправляться. Выписавшись из больницы, Анна Дмитриевна пришла к Владыке

- Ну расскажи, Аня, как тебя лечили?

- Владыко святой, вашими молитвами я выздоровела, потому что врачи отказались лечить.

-День и ночь молил Бога о твоём выздоровлении. Но запомни, запомни, в этих случаях выздоровление редчайшее [7].

Подводя итоги своего сугубого служения - медицинского и архиерейского, он писал в письме: "Верно, конечно, то, что вы пишете о лечении больных. Но вы не знаете, как необычайно ценят меня как духовного врача. Очень многие говорят и пишут, что я оживил их духовно, возродил к новой жизни, и в самых трогательных выражениях изливают свою благодарность и любовь. Они пишут, что, как ни высока моя медицинская деятельность, но архиерейская неизмеримо важнее. Я и сам так думаю" [31,8].

Выше уже говорилось о том, что дело проповеди архиепископ Лука считал своей священной обязанностью и эту обязанность свято выполнял. Долго время святитель сотрудничал с "Журналом Московской Патриархии", где на протяжении почти десяти лет печатались его статьи. Но особенное влияние на прихожан оказывали его проповеди - живые, полные духа и силы. Однажды Владыка, говоря о покаянии, показал страшное, мерзкое состояние души нераскаянного грешника. Слова архипастыря потрясли до глубины души одного прихожанина, человека средних лет, который слушал Владыку и горько плакал в углу церкви. Принесся слезное покаяние и "дух сокрушен" в жертву Богу, этот грешник примирился со Христом и присоединился к Церкви. Жена одного генерала как-то из любопытства зашла в молитвенный дом сектантов. Муж ее, тайно сочувствовавший Церкви, а может быть, и верующий, высказал ей свое недовольство и посоветовал лучше сходить в православный кафедральный собор, где служит Владыка-ученый с мировым именем. Та послушалась и в следующее воскресенье отправилась в

церковь. Как раз в этот день святитель говорил проповедь о сектантах, раскрывал их заблуждения, обличал их и запрещал верным общаться с ними. Эта женщина приняла решение не ходить больше к сектантам и попросила передать Владыке Луке благодарность за вразумление. Когда ему сказали об этом, то он перекрестился и сказал: "Благодарю Бога, что моя проповедь принесла плоды" [7, свидетельства прот. Леонида Дунаева].

Архиепископ Лука проповедовал не только словом, но и тем, как он со- юршал богослужения, как молился. Сослужил ему отец Илларион Голубятни- сов, который вместе с ним в свое время разделил все тяготы сибирской ссылки. Очень часто служил с ним архимандрит Тихон (Богославец), духовник епархии, прозорливый старец, который впоследствии и погребен был рядом с любимым Владыкой. Этих богоносных священнослужителей не раз видели совершающими Божественную Литургию со слезами. Есть такой момент в службе, когда во время пения Символа веры архиерей склоняется над престолом, сослужители держат над его головой воздух (большой четы- рехугольный плат), а старший священник читает "Верую". Когда по окончании пения архиепископ Лука поднимал голову, то антиминс был орошен слезами святителя.

Службу он правил не спеша, сосредоточенно и осмысленно. Во время евхаристического канона особенно проникновенно произносил слова: "Приимите, ядите, сие есть тело Мое, еже за вы (при этом Владыка поворачивался и указывал рукой на народ) ломимое во оставление грехов". Святитель сам очень часто присутствовал на богослужениях и к этому призывал и клириков своей епархии [6,69""].

Жизнь архиепископа Луки клонилась к закату. Последнюю свою Литургию он отслужил на Рождество, последнюю проповедь сказал в Прощеное воскресенье. Его секретарь Евгения Павловна Лейкфельд пишет о последних днях святителя: "Не роптал, не жаловался. Распоряжений не давал. Ушел от нас утром, без четверти семь. Подышал немного напряженно, потом вздохнул два раза и еще едва заметно- и все..." [26,483].

Преставился святитель Лука 11 июня 1961 года. В этот день Церковь праздновала память всех святых, в земле Российской просиявших. "Панихиды следовали одна за другой, дом до отказа наполнился народом люди заполнили весь двор, внизу стояла громадная очередь. Первую ночь Владыка лежал дома, вторую - в Благовещенской церкви при епархии, третью - в соборе. Все время звучало Евангелие, прерывавшееся панихидами сменяли друг друга священники, а люди все шли и шли непрерывной вереницей поклониться Владыке... Были люди, приехавшие из разных мест, - Мелитополя, Геническа, Скадовска, Херсона. Поток стихал лишь часа в четыре ночи, а затем возобновлялся: одни люди сменялись другими, лились тихие слезы о том, что нет теперь молитвенника, что "ушел наш святой" [26,484].

На погребение Владыки Луки прибыл архиепископ Тамбовский Михаил (Чуб). Множество людей пришло проводить в последний путь своего архиерея. До самого кладбища путь был усыпан розами. Медленно, шаг за шагом процессия продвигалась по улицам города. "Святой Боже, Святой Крепкий Святой Бессмертный, помилуй нас" - звучало над гробом архиерея. Три километра от собора до кладбища люди несли на руках своего Владыку в тече ние трех часов [26,487].

Так хоронили великого угодника Божия Луку. И как при жизни он всячески помогал болящим, никому не отказывая, так и после смерти всякий, кто приходил на могилу святителя и с верой и любовью просил помощи у него, получал исцеление.

Жительница Тбилиси Лия Васильевна Гончарова перенесла онкологическую операцию. Через некоторое время предстояла, видимо, еще одна операция. Ноги у несчастной распухли, горели, ходить было почти невозможно. Как-то на глаза ей попала статья академика И.А. Кассирского с воспоминаниями об архиепископе Луке. У нее возникла мысль, что никто, кроме Владыки Луки, не поможет ей. Приехав в Симферополь, помолвившись на могиле архиепископа, Лия Васильевна сразу же почувствовала облегчение в ногах и внутреннее душевное успокоение. Опухоль сошла, и теперь она имеет возможность стоять на службе и много ходить [7].

У Елены Николаевны Битюковой пропал без вести несовершеннолетний сын. Убитая горем мать подала в розыск и усердно молилась на могиле Владыки Луки. И вот перед Вербным Воскресеньем является пропавший сын и объясняет, что какая-то неведомая сила заставила его вспомнить о матери и приехать домой [7, свидетельство Л.В. Гончаровой].

В 1992 году тяжело заболела воспалением легких Галина Леонидовна Шиндина. Она попросила отслужить на могиле Владыки Луки панихиду и принести с могилы земли и воды. Женщина горячо молилась и пила эту воду. По благодатной помощи святителя очень быстро поправилась, так что лечащий врач была крайне удивлена скорым выздоровлением [7].

Мария Митрофановна Передерий получила помощь от архиепископа-хиурга и при жизни, и после его смерти. Еще когда был жив Владыка Лука, у Марии Митрофановны начала гноиться и болеть губа. Куда она ни обращалась, ни один врач не смог ей помочь. Тогда она обратилась к Владыке, и он вылечил ее. В 1989 году заболел ее муж Григорий. Она пошла к могиле святителя и слезно просила его о выздоровлении мужа. Пришла домой и удивилась, что муж поднялся с постели, начал ходить по комнате и впоследствии чувствовал себя хорошо [7].

Лариса Яцкова свидетельствует о том, что с лета 1993 года до весны 1994 года у нее сильно болел левый глаз. Боль распространялась и на левую часть головы. Особенно она усиливалась к вечеру. Мучимая тяжкими болями, она приехала на могилу святителя и получила исцеление [7].

Прихожанину, который ходил к месту упокоения архипастыря и с верою прикладывался к мраморному кресту, возвышающемуся над надгробием, святитель даровал исцеление от болезни сердца. Врачи поставили в 1992 году диагноз "недостаточность митрального клапана", то есть порок сердца, но Милостью Божией и с помощью Владыки Луки болезнь отступила. Есть свидетельство (Е. Киселевой) о том, что святитель Лука, сам претерпевший заключения и ссылки, оказывал помощь тем, кому грозило несправедливое наказание [7].

Лариса Алексеевна Чередниченко, жительница Киева, так описывает чудо с своего исцеления: "В день празднования памяти святого священномученика Владимира, митрополита Киевского, во время выноса его святых мощей, в дверях Трапезного храма меня так сдавил народ, что моя грудная клетка не выдержала, я услышала хруст и ощутила острую боль в левом подреберье, но пошла за крестным ходом. Через два-три дня боль стала еще сильнее. Ни лежать, ни сидеть не могла, а тем более что-нибудь делать. К врачам я не обращалась. В это время пришла ко мне моя знакомая и просит сопровождать ее в Почаев, она там никогда не была. Всю дорогу я левой рукой держалась а больное место.

В Почаеве моей знакомой очень хотелось, чтобы ее четырнадцатилетняя дочь обязательно побывала в пещерке преподобного Иова. Сама она не могла идти, а девочка одна боялась. Тогда моя знакомая, обращаясь ко мне, говорит: "За послушание, лезь и помоги Ане". Я обомлела, но "за послушание", ни секунды не раздумывая, ложусь своей больной грудью на святые камни и с помощью добрых людей опускаюсь в пещерку. Когда стала выбираться наверх, лечь на левый бок было страшновато, и я в самом узком месте всей тяжестью своего тела легла на правый бок и тут же снова раздался уже мне знакомый хруст и появилась боль в правом боку.

Пробыв в Почаеве два или три дня, мы возвратились в Киев. По дороге моя приятельница сказала, что ее брат-проводник может взять нас с собою Симферополь. Понимая, что другого случая мне не представится, ни на что не обращая внимания, я соглашаюсь ехать. Тем более что мне очень хотелось побывать на могиле Владыки Луки.

На другой же день, после возвращения из Почаева, мы уже ехали в Симферополь. В поезде я полулежала, опираясь на туго скрученный матрац.

На могиле Владыки поставили свечи, приложились, я рассказала приятельнице, что знала, о подвигах святителя, заказали по нему панихиду, съездили на воскресную службу в собор и пешком отправились на вокзал. Войдя в свое купе, мы стали готовиться обедать. Мне нужно было со второй полки снять мою сумку, и, не задумываясь, я поднимаю правую руку совершенно свободно и замираю от удивления - я не ощущаю никакой боли. Тогда я поднимаю левую - то же самое, болей никаких нет! Чудо исцеления произошло настолько явно, что не поверить в него невозможно!" [7].

ТРУДЫ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ

1. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа [и] тело. Сыктывкар, 1993; Симферополь, 1995; М., 1997.
2. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). "Я полюбил страдание..." Автобиография. М., 1995*.
3. Архиепископ Лука (проф. В.Ф. Войно-Ясенецкий). Моя жизнь во Христе. Мемуары. [Автобиография]. СПб., 1996.
4. Лука, архиепископ Красноярский. Кровавый мрак фашизма. Проповедь.- Журнал Московской Патриархии. 1943, №4.
5. Лука, архиепископ Тамбовский. Памяти Святейшего Патриарха Сергия. - Журнал Московской Патриархии. 1944, №8.

ДОКУМЕНТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

(архивные материалы)

6. Архив Белогорского благочиния при Свято-Никольском храме. Переписка с епархиальным управлением. Архиерейские указы. 1948- 1959.
7. Архив Крымской епархии. Материалы Комиссии по канонизации архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно- Ясенецкого).
8. Архив Крымской епархии. Рапорт архиепископа Луки №380 от 11 ноября 1950г.
9. Архив Московской Патриархии. Личное дело архиепископа Луки.

10. Архив Московской Патриархии. Личное дело архиепископа Луки. Письмо протоприсвитеру Николаю Колчицкому от 14 июня 1942г.
11. Архив Московской Патриархии. Личное дело архиепископа Луки. Письмо митрополиту Сергию от 9 ноября 1942г.
12. Архив Московской Патриархии. Личное дело архиепископа Луки. Прошение в Св. Синод архиепископа Красноярского Луки от 15 октября 1943г.
13. Архив Московской Патриархии. Личное дело архиепископа Луки. Отчет о состоянии Красноярской епархии за 1943г.
14. ГАРФ, ф. 6691, оп. 2, д.225, л. 7-11.
15. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 4, л. 24-26.
16. Крымский государственный архив, ф. 721, с/р-2647, оп.1, д. 4. ЛИТЕРАТУРА
17. Вострышев М. Донос из Крыма. - Православная Москва. 1995, №29 (53).
18. Грекова Т. Два служения доктора Войно-Ясенецкого. - Наука и религия. 1986, №8.
19. Кассирский И.А. Воспоминания о профессоре В.Ф. Войно-Ясенецком. - Наука и жизнь. 1989, №5.
20. Крестный путь Патриарха Сергия: документы, свидетельства современников (к 50 - летию со дня кончины). - Отечественные архивы. 1994, №2.
21. Кученкова В. Войно-Ясенецкий. Тамбов, 1994. - Новая тамбовская газета. 05.05.1995.
22. Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные епископы, 1893-1965. Библиографический словарь. Т.1-6. Erlangen, 1979-1989.
23. Никитин Н. Несгибаемый страстотерпец. - Слово. 1990, №5.
24. Письма и диалоги времен "хрущевской оттепели" (Десять лет из жизни патриарха Алексия. 1955-1964 гг.) - Отечественные архивы. 1994, №2.
25. Поляков В.А. Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (К 80-летию со дня рождения). - Хирургия. 1957, №8.
26. Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. Париж, 1979.
27. Пузин Н.П. Несколько писем В.Ф. Войно-Ясенецкого (Л.Н. Толстому, Н.П. Пузину). - Слово. 1991, №3.
28. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. Т. 2 . М., 1989.
29. Федосеев С.М. Ленинградское дело, 1949-1950. - Совершенно секретно. 1996, №2.

30. Шаповалова А. Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука. -Журнал Московской Патриархии. 1946, №5.
31. Шаповалова А. 25 лет архиерейского служения Высокопреосвященного Луки, Архиепископа Крымского и Симферопольского. -Журнал Московской Патриархии. 1948, №6.
32. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 12.